

P-176733

В. СТАРИКОВ

У ПАРТИЗАН

Записки военного корреспондента

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1942

1. НА САМОЛЕТЕ В ТЫЛ ВРАГА

— Кто летит к партизанам? — спросил коренастый летчик, одетый в меховой комбинезон и унты, входя в столовую летного состава военного аэродрома. — Машина готова. Через двадцать минут вылет.

За столиком сидели два пассажира — столько, сколько может взять маленький учебный самолет У-2. На этой машине нам, военным корреспондентам газет, предстояло в эту ночь пересечь линию фронта и в темноте совершить посадку на партизанском аэродроме.

Летчик назвал себя:

— Василий Фадеев.

Он оказался молодым, общительным человеком, и, пока легковая машина пересекала летное поле, мы узнали от него, что это он проложил зимой воздушную трассу к партизанам.

— Первый раз к партизанам? — спрашивал он. — Рады вам будут. Хорошие там ребята.

Аэродром жил своей вечерней хлопотливой жизнью. Вдоль летного поля стояли замаскированные деревцами грозные тяжелые и дальние бомбардировщики, штурмовики. Механики и летчики готовили машины к ночным полетам в расположение противника, наблюдая за подвеской бомб, проверяя работу моторов. В воздухе рокотали невидимые истребители, охраняя аэродром от внезапного налета противника.

Возле роищицы стояли две замаскированные «уточка». Торопливо шла погрузка цинковых патронных ящиков, мешков с газетами, с почтой.

— По машинам!—раздалась команда.

Мой спутник, военный корреспондент Пегя Синцов, протиснулся первым в тесную кабину самолета Фадеева. Захлопнулся целлулоидовый колпак, сбросили маскировку, и машина, подпрыгивая на выбоинах, покатила к стартовой дорожке.

Небо все темнело, ночная тень надвинулась вплотную на аэродром. Конца летного поля теперь не было видно, только мерцали, как бакенные огни на море, светлые, красные и зеленые фонари где-то в дальнем углу. В руках мы держали дегтяревские автоматы.

А машина, увеличивая скорость, катила по летному полю, и сосновый лес быстро приближался к нам. Совершенно неожиданно мы увидели, что под нами плывут кусты. Самолет уже был в воздухе и толчками набирал высоту. Он круто развернулся над аэродромом, и мы сверху в последний раз увидели поля, постройки, самолеты, огни. Люди, провожавшие нас, махали руками. По бортовым огням, зеленому и красному, мы увидели, что второй самолет следовал за нами.

Спокойная широкая спина летчика видна сквозь стекло кабинки. Изредка он поворачивает голову к панели со светящимися приборами. В воздухе этот маленький самолет, одетый в легкую промасленную ткань, совершенно беззащитен. На нем нет пулеметов, все наше боевое вооружение — дегтяревские автоматы и личные пистолеты — оружие не для отражения воздушных атак.

Внизу показались какие-то огни, то одинокие и далекие, то сразу три-пять близких. Потом мы увидели взлетающие огненные шары, резкие вспышки и поняли, что пролетаем линию фронта. Самолет шел на большой высоте. Скоро эти огни остались позади.

Самолет продолжал путь в темноте. Вдруг машина резко накренилась и круто пошла к земле, сделав крутой вираж. Летчик выстрелил зеленой ракетой. Она ярко взорвалась и осветила поле, какие-то постройки, ветряную мельницу, реку. С земли ответили таким же сигналом.

Загорелись костры посадочного знака, и через несколько минут самолет мягко коснулся колесами пашни. Рядом опустился и второй самолет.

2. У ПАРТИЗАН

С разных концов темного поля к самолету бежали люди. Быстро потушили костры. В темноте слышались радостные восклицания. Летчики Василий Фадеев и Евгений Прут не успевали здороваться, отвечать на вопросы многочисленных друзей. Они были здесь своими людьми.

Из кабины поспешно вытаскивали свинцовые ящики, газеты, письма. По полю медленно двигались две телеги с ранеными в последнем бою партизанами, которых летчики должны были обратным рейсом доставить в тыловой армейский госпиталь.

На пригорке виднелись домишки. На фоне посветлевшей полосы неба, на востоке, выделялся ветряк, крылья которого медленно крутились.

Была хорошая ночь. Пахло землей, близкой деревней.

Погрузку раненых закончили. Самолеты шумели моторами. Опять загорелся костер. Машины оторвались от земли, сделали круг над площадкой, прощально поморгали бортовыми огнями и легли на курс.

Мы давно мечтали пробраться к партизанам и повидать этих народных мстителей, окунуться в гущу их жизни, оценить всю силу партизанского движения. Теперь эта мечта осуществилась.

Погасив костер, все медленно направились по дороге. Девушки, встречавшие самолет, шли обнявшись, видимо, взволнованные ночной встречей с самолетом, и пели:

Запрещен навеки к нам
Вход непрошеным гостям,
Поворотим, поколотим
И пошлем ко всем чертям.

Партизанские отряды
Бьют фашистов из засады,
Ни проехать, ни пройти,
Ни дороги, ни пути.

Немцы в Ясках водку пили,
На закуску брали кур,
Когда с нами в бой вступили,
Потеряли триста шкур.

Марта Фрица ожидает
С новой юбкой шерстяной,
Фриц от пули подыхает
В Чернояре под стеной.

Мы шли мрачной и печальной улицей когда-то большого села. Теперь оно было почти все сожжено, остались лишь редкие домишки. Печные трубы в лунном свете казались кладбищенскими памятниками.

Спутник, взявший на себя заботы о нашем ночлеге, остановился у дома с высоким крыльцом и постучал в окно.

— Кто там?— спросил женский голос.

— Открой, Романовна. С родины приехали.

Эти три слова звучали как пароль.

Дверь распахнулась. Высокая женщина вышла на крыльцо.

— Входите,— просто сказала она.— Здравствуйте.

В избе она чиркнула спичку и зажгла фитилек коптилки. Дрожащий огонек осветил спящих: лежали на лавках вдоль стен, на полу.

— Тесно живем,— пояснила хозяйка.— Пожгли нас немцы. Теперь все вместе сгрудились. В каждом доме пять-шесть семейств живут.

Было ей лет сорок. Высокая, статная, еще и сейчас она была хороша закатной женской красотой. Ровный, блестящий, как ниточка, пробор разделял черные густые волосы на два вороновых крыла.

За ситцевой занавеской заплакал ребенок. Спавшие зашевелились. Сонный голос спросил Романовну, что случилось.

— Спице, спице,— успокоительно сказала женщина.— Это с родины приехали.

Послышалось знакомое гудение на низких нотах немецкого самолета. Хозяйка торопливо дунула на коптилку и с сердцем сказала:

— Опять загудел, проклятый. Шумят, шумят каждую ночь. Огня не вздуй. Так вот впотьмах и живем.

Она помолчала и спросила:

— Как там люди на родине живут? Помнят о нас? Скоро ли вместе жить будем?

Как стон души, прозвучали эти слова.

В эту ночь мы услышали первый рассказ о борьбе за советскую власть в тылу противника, о мужестве русской женщины. За двадцать дней жизни среди партизан мы слышали немало подобных рассказов, но этот, первый, запомнился особенно.

Шесть лет хозяйка дома Романовна работала председателем сельского совета. В тяжелую минуту, когда немцы захватили этот район, она осталась дома.

Немецко-фашистским захватчикам не под силу ставить гарнизоны в каждом русском селе, в каждом населенном пункте. Деревня стояла в стороне от дорог, и немцы сюда до

поры до времени не заглядывали. Романовна получала от гитлеровцев приказы о поставках для немецкой армии хлеба, мяса, овса, коней. Прочитав, Романовна бросала эти приказы в печку. И почти каждую ночь в партизанские леса шли обозы с продуктами.

— Сказали мне, что на заметке я у немцев. Но я не испугалась и работы не бросила. Немцы все ближе к нам подходят, — рассказывала она. — А жизнь у нас идет своим чередом. Отстрадавались мы, обмолотились, зерно по ямам попрятали. Я по деревням хожу, по сельсоветам. Однажды отправилась в деревню за пятнадцать километров. Сижу на собрании и слушаю, кого люди думают председателем ставить. Кто-то Кузьму Иванова предложил. Партизаны его месяца через два за предательство расстреляли. Чужой был человек, продажная душа. Накануне к немцам бегал. Нет, думаю, так не будет. Выступила и предложила в председатели Петра, бригадира. Серьезный мужик, хозяйственный. Боялась только, а вдруг он откажется. Время тревожное, не всякий на такое дело пойдет. Народ меня послушал, и Петр не отказался. Не ошиблись мы в нем.

Немецко-фашистские каратели вошли в эту деревню в декабре. Романовна и другие активисты ушли в окрестные леса. Ее голос дрожал, когда она рассказывала об этих страшных шести днях. Они сидели в лесу и смотрели на багровое пламя пожарищ родных деревень, и в сердцах у них росла ненависть к врагу и решимость до конца бороться с немецкими оккупантами.

Гитлеровцы жгли деревню за деревней, не щадили женщин, стариков, детей. Стояли лютые морозы, и дым пожарищ высоко поднимался в сизом воздухе.

Вместе с фашистскими карателями в деревню вошли Павел Назаров и Федор Павлов, выселенные когда-то из этих мест. Они пришли сводить старые счета. Павел Назаров сразу кинулся к своему бывшему дому, в котором помещалось правление колхоза, и сам поджег его. А Павлов бегал по избам и жадными прясущимися руками хватал, что попадало ему на глаза, — самовар, подушки, валенки, женское и детское белье.

Одна старуха гневно сказала ему:

— Грех берешь на душу, Федька. Русский, а на службу к немцам пошел, разбойником стал.

— Молчи, старая, — огрызнулся он и замахнулся на нее топором.

— Ну, убей, воровская душа, — спокойно сказала она и пошла на него, страшная в гневе своем. Он попятился к дверям.

Павлов выскочил во двор, поджег избу и побежал к недавно отстроенному зданию сельсовета. Обоз с награбленным имуществом уже выходил из села, растянувшись по дороге. Павлов чиркнул спичкой. Ветер задул ее. Чиркнул вторую и оглянулся на скрип шагов по снегу. К дому шли несколько женщин с суровыми лицами. Их вела старуха. Ее дом, подожженный Павловым, ярко пылал. Ему стало страшно, и он побежал догонять обоз.

— Она теперь в нашей избе с внучонком живет, — сказала Романовна. — А обоз с награбленным далеко не ушел. Партизаны его на дороге встретили. Да и Павлов с Назаровым от партизан получили, что заслужили, — собачью смерть.

— Партизаны охраняют от немцев наши села. Они сюда боятся показаться. Пришли они однажды, все пожгли, но мы им не поддались. Колхозы сберегли, завтра во всех деревнях сеять начнем.

Утром, когда мы еще спали, мужской голос громко спросил:

— Кто тут в штаб едет?

Это был проводник, присланный из партизанского штаба.

— Где штаб помещается?

— Доставим, — уклончиво ответил он. — Водой повезем.

— И долго ехать?

— Сегодня дома будем, — и улыбнулся. Дескать, не проведете, знаем, как военную тайну надо сохранять.

В доме все уже встали и сидели за общим обеденным столом — женщины, дети, всего человек пятнадцать. Романовна сидела на лавке у окна и говорила бородавтому колхознику лет пятидесяти:

— Никита Егорович, ты уж последи, как сеять будут. Отвыкли от лукошка. Да в тряпь-то не лезьте, сухих плешинок много.

В окно виднелась сельская улица с разлапистыми ветлами, пепелище, а дальше — широкий луг и за ним голый, повесенному дымчатый лесок. Тройка немецких самолетов прошла высоко над лесом.

— Остерегайтесь самолетов, — наставительно сказала Романовна. — Опять, говорят, рядом мальчонку ранили. Неровен час и сюда налетят. Ну, ступай, я сегодня в «Красный маяк» поеду. Давно к ним собираюсь.

Старик ушел.

— Ну, как вы там, в штабе, живете? Все живы и здоровы? — повернулась она к партизану.

— Все у нас живы и здоровы, — ответил он. — Вот будем немчуру бить... А большая у тебя за зиму семья собралась.

— Не гнать же людей. Другие теснее живут.

Разные люди со всех сторон нашли здесь приют. В доме жили не только погорельцы, но и люди, пришедшие изда-лека, «с той стороны», как говорят здесь. Молодая женщина Ольга прошла пешком с двумя детьми несколько сот километров по земле, оккупированной немцами. Муж ее, ленинградский рабочий, с первого дня войны ушел в армию. Ее война застала в маленькой деревушке, где она ежегодно проводила с детьми лето. В мороз, в метель пробиралась она до родной, советской стороны. Здесь она захворала, а когда поправилась, решила продолжать путь. Две другие семьи пришли из Латвии. Мужья этих женщин остались там в прибалтийских партизанских отрядах.

— Беда и горе у нас общие, — говорила Романовна. — Селиться негде, вот и теснимся. В тесноте да не в обиде. В крыше никому отказа не было.

— Все пожег, всех разорил, — сказала старуха, сидевшая рядом с четырехлетним мальчиком. — Внуку своему завещаю немцев ненавидеть. Столько горя от них приняли...

Это была та старуха, о которой рассказывала нам Романовна.

Председательница вышла проводить нас до реки.

— Стеснились все, а жить стали еще дружнее, — сказала она на улице. — Общее горе, как узлом, всех связало. Хозяйство везде ведут общее, вместе за стол садятся, из одной чашки суп наливают.

Она помолчала и добавила:

— Исстрадался народ. Красную Армию все ждет. Скоро ли его разобьют, проклятого?.. Будете за линией фронта, расскажите, как люди тут живут.

У берега неширокой реки стояла лодка, скорее барка, тяжело нагруженная патронными ящиками, газетами, почтой.

Сердечно простились мы с Романовной.

До свидания, мужественная, смелая русская женщина, так спокойно и просто исполняющая свой долг перед народом!

Мы уговорились с ней встретиться на обратном пути, но не пришлось...

Река подхватила лодку и неторопливо понесла по течению. Мы миновали ветряк, возле которого садились ночью. Вот уж скрылись избы, и только крылья ветряка долго прощально махали нам.

Вешняя вода несла нас мимо сел и деревень. Стоял первый по-настоящему весенний, теплый денек. Река то сужалась, и тогда быстрее плыли мы мимо берега, то растекалась по низине, и партизаны брались за весла. В ясном небе часто виднелись вражеские самолеты — ширококрылые, хищно вытянутые, тройками, шестерками, девятками. Самолеты шли на такой высоте, что даже крестов не было видно.

Наши спутники — два партизана средних лет — были похожи на охотников, выехавших на первых уток.

Мы миновали десятки сел и деревень. Большие, шумные и веселые деревни и села стояли когда-то на этих берегах. Тихи и молчаливы были теперь берега реки. Везде виднелись черные, тоскливые пепелища. Казалось, что стон и плач и сейчас несутся над водой. Чудилось, что пламя пожарищ клубится над нами. Здесь всюду прошли фашистские каратели и оставили след черный, страшный, неизгладимый.

Нет, не почудилось нам пожарище. Партизан, сидевший на веслах, сказал:

— Опять где-то горит...

На горизонте поднималась к небу черная шапка дыма. Партизаны стали гадать, где это могло быть.

— Далеко, поди, километров двадцать пять отсюда. — решил один из них.

— Опоздали вы немного, — сказал тот, что так хорошо умел хранить военную тайну. — Ночью наши в налет на железнодорожную станцию пошли. Хороший был бой. Ночью, когда сюда ехали, пушки и пулеметы слышали. Сильно били.

На полпути мы пристали к берегу, решив напиться квасу в чудом сохранившейся деревне. Партизаны привязали лодку и оба вышли на берег.

Вошли в избу.

— Найдется квасок, хозяйка?

— Есть, есть, а как же. А может, холодного молочка выпьете?

На столе появилась крынка холодного молока с настоящими сливками и тарелка с ломтями мягкого пшеничного хлеба.

В избу набился народ, узнавший, что приехали гости. Пришел с поля и хозяин. Начались расспросы о жизни на советской стороне, о работе заводов, о Красной Армии.

Хозяин показал толстую пачку листовок, обернутых в газету, и сказал:

— Не забывает нас страна. Все листовки храню, кончится война — в музей отдам.

Хозяйка добавила:

— Много сбрасают. Утром все в поле уходим, листовки собираем. Знать хочется, что в стране делается.

Потом хозяин достал из сундука завернутый в бумагу большой портрет Сталина и с гордостью сказал:

— Всю зиму от немцев прятал. Послезавтра 1 Мая будем праздновать. Рамку со стеклом нашел.

К концу обеда в избу вошел подросток лет шестнадцати и обратился к партизанам:

— Передайте нашим, что только завтра буду. Лошади при стали, дорога больно тяжела.

Это был партизан, вывозивший с базы папроны.

— Не мог ты лошадей сменить,— несжиданно рассердился наш проводник. — Погоди, сам схожу.

Минут через пятнадцать он вернулся и сообщил:

— Сменят тебе лошадей. Будь, как приказано, вечером дома.

В лодке он рассказал:

— В каждом доме так партизан встречают. Нигде ни в чем отказа нет. Нужны лошади — пожалуйста, сено требуется — лучшее отдадут. Все для партизан сделают. — Он помолчал. — А парнишка этот боевой, с осени партизанят. Звать его Василий. Сам он из соседней деревни. Зимой наш отряд там на отдыхе стоял. Явились каратели и стали пытать, где партизаны хоронятся. Однако никто не выдал. Мать его немцы замучили. Проговорилась она, что сын у нее в партизанах. Семнадцать ран нанесли, руки, ноги изломали. За сараем ее мучили, а никто стона не услышал.

— Четверо у нас таких, как он, ребят было: Егор Николаев, Юра Иванов, Николай Петров и он. Все его товарищи погибли, один остался. Геройский мальчик, люто с немцами воюет. В одном бою восемь фашистов из автомата расстрелял. Его уж в самые горячие дела не берут: под пули лезет.

Вот так мимо нас вдруг прошла человеческая судьба. Мы с этим мальчиком не обмолвились даже двумя словами. Потом было много подобных случаев, когда нам говорили: — А знаете, этот человек... И в коротком рассказе вдруг развертывалась повесть о жизни этого человека, повесть о мужестве и стойкости.

Мы успели запомнить, что у этого подростка были хорошие серые глаза, держался он довольно робко и застенчиво. Даже лошадей у председателя постеснялся спросить. Откуда же берется сила у этого подростка во время боя? Немцы отняли у него мать, друзей юности. Ненависть к врагу, к убийцам близких, к осквернителям родины рождала в нем силу воина, силу бойца.

Долго еще плыли мы по реке. Руки партизан устали, и все чаще они закуривая отдыхали.

Только к ночи добрались мы до большого села, опустошенного немцами. Теперь уж и до штаба оставалось недалеко, как сообщил нам партизан.

Черные густые тени лежали на дороге. Путь преграждали поваленные деревья. Наш новый проводник ехал впереди верхом. Иногда он сдерживал коня, и тогда мы останавливались и прислушивались. Кругом было тихо. Трогались дальше. Далеко ли отсюда до немцев? Мы не знали. Неприятно хрустел под ногами ледок, трещал валежник. Невольно старались идти по той стороне дороги, где лежала густая тень.

Вдруг проводник резко остановил лошадь, спрыгнул на землю и скинул с плеча автомат.

— Кто идет?—громко спросил он.

Забилось сердце. Автоматы прижаты к плечу, пальцы лежат на спуске.

Молчание. Только в стороне в лесу трещит хворост.

— Кто идет?—второй раз спрашивает проводник.

— Свои, свои,—ответил невидимый в лесу человек и вышел на дорогу, залитую лунным светом, ведя на поводу оседланную лошадь. Был он одет в какой-то странный костюм, блестевший в лунном свете.

— Ты чего по лесу шатаешься?

— Ближней дорогой хотел проехать, а там воды по брюхо.

Командиру донесение везу.

Он подошел, и мы увидели молодого парня, одетого в серебристый прорезиненный комбинезон.

— Как у вас там?—спросил наш проводник.

Незнакомец вопросительно посмотрел в нашу сторону.

— Это корреспонденты приехали. В штаб провожаю.

— Налет хорошо прошел. Сотню фрицев уложили. Броневи́к помешал трофеи собрать.

— Молодцы. Командир доволен будет.

У опушки леса раздался окрик:

— Стой! Кто идет?

Это был заслон партизанского штаба.

Лес оборвался. Дорога пошла в гору. Лунным светом залита была роща на горе. Справа от дороги на небе виднелись далекие облака, озаренные розовым пламенем пожара.

ща, черные по краям. Пламя разрасталось, розовый свет переливался, то густел, то слабел, переходил от нежно-розовых тонов до густомалиновых.

— У немцев горит, — удовлетворенно заметил проводник. — Должно, опять наши немцев бомбили.

Залаяла собака. От дерева отделились два человека с ружьями за плечами.

— Кто идет? Пропуск.

Сельская улица. Ни одного огонька.

Командант штаба партизанского отряда внимательно проверяет документы и говорит:

— Сегодня к командиру поздно, а завтра доложим.

С часовым он направляет нас на ночлег.

В избе мы долго лежим с открытыми глазами. Впечатления дня не дают уснуть. Вот и конец нашего пути. Завтра мы увидим знаменитого руководителя партизанских сил этих районов и его комиссара, имена которых наводят страх на немецких оккупантов, узнаем о результатах вчерашнего налета.

А может, случится и такая удача, что мы и сами сможем принять участие в таком налете, думаем мы.

3. ШТАБ НАРОДНЫХ МСТИТЕЛЕЙ

Высокий человек поднимается из-за стола, на котором разложена карта-километровка. На темнозеленом сукне гимнастерки поблескивает орден Ленина.

— Командир партизанских отрядов, — рекомендуется он.

Рядом с ним — комиссар. На его гимнастерке — тоже орден Ленина.

В сообщениях Советского Информбюро часто говорится о крупных налетах на немецкие гарнизоны, о спущенных под откос воинских эшелонах противника партизанскими отрядами Ленинградской области под командованием этих товарищей.

В комнате находился еще один человек, в заурядном поношенном костюме, подпоясанном красноармейским поясом, за которым торчали две зеленые гранаты-лимонки. Он был партизан.

— Выходит, что обманул он нас, — раздраженно сказал комиссар. — Сообщил, что деревню занял, а они в ней и не были. Ты это точно знаешь?

— Вчера днем был в этой деревне Сергей Алексеевич. Партизаны туда и не заходили. Шел ночью только небольшой бой.

— Так этого оставлять нельзя.— резко сказал комиссар.— Надо вызвать его в штаб и потребовать объяснения.

— Сегодня будет, — спокойно говорит командир. — Тут что-то не так. Не такой он командир, еще ни разу нас не подводил. Зачем ему выдумывать. Приедет—разберемся.

Видно, что он этого командира знает и не хочет верить тому, что случилось.

— Сеять начали? — спрашивает он партизана.

— Третий день сеем.

— Немцы мешают?

— Вчера два раза село обстреливали, но все благополучно обошлось.

Комиссар ходит по комнате, не прислушиваясь к разговору. Когда партизан ушел, командир опять говорит:

— Что-то не так. Вечером узнаем, если нужно, выплем «Студенту».

— И здорово надо будет всыпать. Приказом выговор объявить.

История, действительно, не из приятных. Накануне командир партизанского отряда — «Студент», как его зовут, — прислал донесение, что он совершил налет на несколько населенных пунктов, выбил немцев из трех деревень и занял их. Приехавший в штаб председатель того сельсовета, где расположились бойцы партизанского отряда, подтвердил, что две деревни действительно заняты ими и он уже провел там собрания колхозников, а третья деревня... Не было там партизан. Она в руках немцев.

Уже давно ушел партизан, а комиссар все никак не мог успокоиться.

— Да будет тебе, — улыбаясь оказал командир. — Не заняли — прикажем занять.

Приехали мы в хорошее время. Партизаны готовились к 1 Мая. Во всех отрядах праздник решили встретить боевыми подарками. Несколько налетов было уже проведено. В ту ночь, когда мы прилетели, отряды совершили налет на крупную железнодорожную станцию. Командир по карте подробно показал, как это произошло.

Темной ночью партизаны стали окружать станцию. Она возвышалась над равниной, как блюдо на столе, и была основательно укреплена немцами. На расстоянии километра от поселка тянулись пять рядов колючей проволоки, за которой

было устроено тринадцать огневых точек. К тому же здесь протекала река, а единственный мост у деревни охранялся крупным отрядом гитлеровцев.

Партизаны выбрали самый трудный путь для наступления — через реку. Немцы никак не предполагали, что они могут напасть на них отсюда. В темноте бойцы перебрались вброд через реку, подползли к проволочным заграждениям и замерли.

Когда все отряды заняли намеченные рубежи, раздался сигнал общей атаки — сильный удар противотанковой гранаты. Партизаны ринулись к станции. Не имея ножниц для резки проволоки, они рвали заграждения гранатами.

Через пятнадцать минут правофланговый отряд ворвался в поселок, уничтожая огневые точки, забрасывая гранатами казармы и здание полицейского участка. Пулеметчики второй группы, зашедшей в тыл противнику, также открыли ураганный огонь.

Нападение было настолько неожиданным, что немцы без сопротивления сдали станцию. Дольше держались они только в каменном здании казармы, где в нижнем этаже были оборудованы пулеметные гнезда.

Почти три часа пробыли народные мстители на станции. Они уничтожили шестьдесят немецких солдат. От двух складов с боеприпасами, склада мотоциклов и велосипедов, общежития полицейских, казармы, столовой, узла связи остались только пылающие развалины.

В четыре часа утра загудел бомбардировщик фашистов. Он сделал несколько кругов над станцией, где продолжали рваться снаряды на складах, пылали здания, и улетел во-свояси.

Через час на путях показался бронепоезд противника и стал из пушек обстреливать станцию. Партизаны, досадуя, что так задержались и не успели собрать трофеи, отступили. В этом бою трое партизан были ранены.

В эту же ночь взлетели на воздух три железнодорожных моста, в шести местах было взорвано полотно, в пяти — разрушена телеграфная связь. На соседнем разъезде небольшая группа партизан уничтожила гитлеровский гарнизон численностью в пятнадцать солдат.

— Запомнят фрицы эту ночку, — сказал командир, закончив рассказ. — Думаем на-днях в реке фашистов покупать, — сказал он с веселой улыбкой. — Вы к нам во-время приехали.

Днем в штаб зашли две девушки — Тамара и Шура. С отрядом партизан они уходили в глубокую разведку. В ночь отряд должен был пересечь полотно железной дороги и пройти в глубь оккупированной немцами территории. На девушек возлагалась задача проникнуть в оккупированный город и собрать нужные сведения.

Комиссар подробно рассказывал им, как найти нужных людей.

Спокойно и просто собирались девушки к уходу в глубокий тыл противника, в город, который гитлеровцы тщательно охраняют.

— Ну, девчата, ведите себя осторожнее, — сердечным тоном сказал им командир. — Не суйтесь куда не следует. Задание нужно выполнить во что бы то ни стало.

Лица девушек стали серьезными. У старшей, Тамары, девушки с серыми большими глазами, подвижной, на лбу прорезалась морщинка.

— Задание выполним и живыми вернемся, — упрямо тряхнула она головой. — Ну, а уж если... — она не договорила, и лицо ее покраснело.

— Понятно, — сказал командир. — Поэтому-то вас и посылаем.

Командир пожал девушкам руки.

— Берегите там себя!

В этом на первый взгляд суровом человеке было много сердечной теплоты.

Притихшие девушки вышли из штаба. Мы видели в окно, как они медленно шли серединой улицы, залитой солнцем. Ночью они уже будут далеко отсюда.

— Смелые девчата, — произнес командир. — Далеко по немецким тылам ходят.

Недели через две мы встретились с одной из них. Девушки побывали в фашистском застенке. Только мужество и самообладание спасло их. Но об этом потом, в свое время.

К вечеру в штаб приехал командир одного из отрядов, которого весь день с таким нетерпением поджидал комиссар. Он остановился в дверях, вытянулся, приложив руку к козырьку.

— Командир партизанского отряда явился по вашему приказанию, — четко отрапортовал он.

— Садись, — сказал командир, указав на стул рядом с собой.

«Студенту» было лет двадцать шесть. Мы уже слышали о нем, как о боевом и храбром командире. В партизанском отряде он был с осени, когда вышел из окружения. В прошлом — студент института имени Лесгафта. Одет он был в черную кожаную куртку, за плечом висел немецкий автомат, сбоку в деревянной кобуре — маузер, через плечо — бинокль.

Комиссар и командир молча ждали, когда он разденется.

— Рассказывай, как прошел налет, — сказал командир.

— Вы донесение читали?

Комиссар молча и внимательно следил за ним. «Студент» смутился.

— Донесение читали, ты теперь о подробностях расскажи, — сказал он.

— Я при налете был возле деревни Кряжи, — нехотя сказал командир отряда. — Там у нас главный бой был. С вечера немцы гуляли, песни пели, на гармонике играли. Поздно затихли. Подползли так метров на сто. Противник нас не заметил. В час ночи открыли огонь, забросали блиндажи гранатами. Соппротивление было плохое. Не ждали нас немцы. В болото побежали. А население, как только начался бой, все ушло к нам. Деревню заняли. Убитых сто двадцать солдат. С нашей стороны потери — трое раненых. Трофеи небольшие — три станковых пулемета, пятнадцать повозок, четыре ящика гранат. Думали, больше будет трофеев, но, видимо, они обоз в другую деревню увели. Сегодня послал разведку выяснить, куда он уведен.

— Сукин ты сын, — не выдержал комиссар. — Что ты нам о трофеях бормочешь. Ты сколько деревень занял?

— Три деревни, товарищ комиссар, — твердо ответил он, встав и вытянувшись перед комиссаром.

— Слышишь? — воскликнул комиссар. — А ты его защищал.

— Подожди, комиссар. Точно, три?

— Разрешите объяснить, товарищ начальник, как дело было.

— Сядь, — сердито оборвал его командир. — Чего же ты, в самом деле, дурака валяешь. Ведь не занимал ты три деревни? Рассказывай, как было.

— Нехорошо получилось. Одну деревню мы в ту ночь не успели занять. Начальник штаба написал донесение, а я с ног валился. Ну, подписал донесение, а днем стал просматривать бумаги... Виноват я, тут и оправдываться нечего. Но теперь эта деревня наша. Сегодня ночью провели налет и забрали ее. Уничтожено сорок немцев и два пулемета. Ошибка исправлена. Донесение точное.

Командир смеялся.

— Поправили? Молодцы. Что я говорил, комиссар? Прикажем занять — возьмут. А они и без нашего приказа заняли. А выговор я тебе все же дам. В другой раз будешь внимательнее. А теперь давай пить чай.

Подобрело и лицо комиссара. Через несколько минут этот неприятный разговор был забыт. Они сидели за столом и говорили об очередном налете. На долю отряда «Студента» выпадала задача вести бой против двух деревень, где стояли самые крупные немецкие гарнизоны.

— Главное, надо, чтобы они в реке покупались, — сказал командир.

— Понятно, — ответил «Студент». — Будет сделано.

Несколько дней прожили мы в штабе партизанских отрядов. Это был центр партизанского движения. Десятки людей приходили в село, окруженное со всех сторон густыми сосновыми лесами. В штаб являлись связные из партизанских отрядов. У молодого начальника штаба можно было в любой час узнать обстановку на оборонительной линии, о движении противника, о результатах последних боев. Здесь можно было встретить людей, которые своей волей пришли «с той стороны», и тех, кто шел «оттуда» и по недоброй воле попал к партизанам. Допросы этих людей давали дополнительные разнообразные сведения о противнике.

В избе у командира и комиссара можно было встретить руководителей партизанских отрядов, советских и партийных работников, председателей сельсоветов, колхозов.

Здесь шла кипучая работа. Один из руководителей партизан, работавший до войны секретарем райкома партии, инструктировал докладчиков, которые собирались ехать по партизанским отрядам и группам, распределял газеты и листовки, просматривал с редактором готовые полосы партизанской газеты «Народный мститель».

Был в штабе еще один заметный человек, Саша. Высокий, громкоголосый парень, немножко ребячливый, большой любитель меняться вещами — поясным ремнем, трубкой, зажигалкой, пистолетом. Он отвечал за все материальное снабжение партизанских отрядов. В любую минуту он мог сказать, сколько на складах боеприпасов, муки, табака, какой расход снарядов был за последнюю неделю, сколько имущества захвачено во время налета и куда оно пошло.

Понятной стала осторожность партизан, которые так строго сохраняли тайну местонахождения штаба.

Н. — большое село на горе. Оно казалось безлюдным. По несколько раз в день над селом пролетали немецкие самолеты-разведчики, некрасивые, словно сломанные пополам, «костыльщики», как звали их. Гитлеровские разведчики ничего не замечали, и самолеты не заглядывали сюда.

А в этом безлюдном селе в каждой избе жили вооруженные люди.

Незаметно к селу нельзя было подойти. На всех лесных дорогах стояли заслоны и заградительные отряды. Штаб охранялся надежно, как и полагается охранять штабы.

4. ПЕРВОМАЙСКИЙ ПРАЗДНИК В ЛЕСУ

В избах небольшой деревушки, прижавшейся к березовому лесу, живут бойцы партизанского отряда. Все дома сегодня по-праздничному украшены: небольшой красный флажок на крыльце или просто кумачевая лента, портреты Ленина, Сталина. А там, где у хозяев не нашлось красного, на окнах и на крыльце — сосновые ветки.

Встречаются девушки в белых праздничных платьях, с яркими лентами в косах, с нитками бус на шее. Приоделись и партизаны: все побриты, сапоги начищены до блеска.

Партизаны встречают праздник 1 Мая.

В избе, где мы остановились, партизаны садились за утренний завтрак. Хозяйка, маленькая сорокапятiletняя женщина, и ее дочь, светловолосая, гибкая, как молодая березка, подавали на стол пышные пироги, жареное мясо, огурцы, когда в избу вошел радист и сообщил, что он только что слушал по радио первомайский приказ товарища Сталина.

Завтрак был забыт. Все слушали то, что успел записать радист. Этого дня ждали, все думали, что скажет 1 Мая товарищ Сталин. Этот день пришел. Теперь они слушали с волнением приказ, в котором заключалась глубокая правда о хищном враге с повадками шакала, который пришел грабить нашу родину, истреблять население ее. В этом приказе были пламенные, проникающие до глубины души слова о ненависти к врагу. В этом приказе — частица судьбы каждого партизана. Ведь и они десять месяцев назад впервые встретились с врагом, овеянным мифом непобедимости. Потом они убедились на собственном опыте, что врага этого можно бить и бить жестоко. Враг, свирепый и кровожадный, грабил родные деревни, расстреливал мирных жителей, чинил насилия над девушками. В них вспыхнула ненависть, и они поняли, что

врага можно уничтожить только ненавдя его всеми силами души. В них выросла и окрепла ненависть.

С особенным вниманием партизаны слушали последний пункт приказа товарища Сталина, обращенный к партизанам.

— Не жалеть патронов,— повторяет кто-то.— Не будем жалеть!

Весь этот день проходил под впечатлением приказа товарища Сталина. Все разговоры обязательно возвращались к словам вождя. Партизаны вспоминали прошлые бои, говорили о будущих

В этой избе с партизанами живет командир отряда Никифор. Это еще молодой человек, 22—23 лет. На гимнастерке у него поблескивает орден Красного Знамени, полученный за боевые партизанские дела. Дважды раненный, он каждый раз отказывался от эвакуации и лечился здесь у местных жителей. Сам он — местный человек, до войны заведывал районным хлебозаготовительным пунктом. В его отряде большинство бойцов — местные колхозники. В отрядах такая же суровая воинская дисциплина, как в армейских частях, она никого не тяготит, она необходима.

— Немцы пришли на нашу землю и начали хозяйничать,— говорит командир.— Первым делом стали отбирать всех подозрительных людей и расстреливать их. В одном селе расстреляли учителей, мужа и жену. За что? Без всякой вины. Подозрительные. В каждой деревне насадили старост. Тогда-то мы и решили идти освобождать свои районы от фашистских захватчиков. К нам в леса приходили колхозники и рассказывали о насилиях, какие над ними чинит фашистское зверье. Мы начали бои с фашистами и увидели, что бить их можно превосходно. На эти бои фашисты ответили новыми насилиями и зверствами. Они думали запугать нас и мирное население. А породили ненависть. Бойцы бывают счастливы, когда готовятся к бою. Люто ненавидят врага за все горе, которое он принес на нашу землю. Родину мы свою любили еще сильнее, жизни своей нам не жалко за нее отдать.

Молодое лицо командира стало жестким, суровым. Вероятно, таким благородным и сильным лицо это бывает в минуты боя. Ненависть к врагу воспитала в нем командира, трезвого, расчетливого, волевого и смелого. В нем билось горячее сердце русского патриота, мстителя за народное горе.

— Товарищ Сталин приказал нам не жалеть патронов на врага,— сказал он.— Не будем жалеть. Скоро зеленый лист появится, по кустам и по траве можно незаметно подходить к врагу. Узнает враг, как мы его будем летом бить. Запасли патронов для лета порядочно, можно их не жалеть. Выполним этот приказ.

Его позвали, и беседа оборвалась.

В соседней избе играли на гармонии. Там собрались девушки и партизаны. В избе было тесно, а на улицу выйти нельзя, самолеты противника часто гудели над деревней.

Праздник встречало все население района.

В то праздничное утро отряд партизан-разведчиков, пробираясь лесом, наткнулся на раненного в ногу пожилого человека, одетого в крестьянскую одежду. Он лежал без сознания возле сосны.

Когда его привели в чувство и перевязали, крестьянин рассказал, что идет к партизанам, чтобы сообщить всему народу о том, какие порядки фашисты заводят на русской земле.

Он рассказал, как в воскресный день фашисты собрали колхозников нескольких деревень в одном крупном селе на площади и бургомистр сообщил, что большой — на тысячу гектаров — свиноводческий совхоз подарен Гитлером в собственность интендантскому офицеру Хельману в награду «за хорошо поставленное снабжение немецкой армии».

На следующий день всех колхозников, как рабочий скот, погнали работать на полях, подаренных фашистскому мародеру. Рабочий день был установлен от утренней до вечерней зари. Минутла неделя, другая... Земля колхозников сохла, они не могли ее обрабатывать, так как были превращены в крепостных немецкого офицера.

Затем пронесся слух, что в «Полонное» пожаловала из Германии супруга Хельмана со всеми своими отпрысками. Они приехали на русские хлеба. Новоиспеченный помещик, видимо, решил всерьез и надолго обосноваться в России.

Колхозник пришел с просьбой к партизанам «выжечь это потаное семя с нашей земли».

Командиру отряда Никифору сообщили об этой просьбе.

— Уважим просьбу колхозников,— сказал он.— Земля нужна Хельману? Получит, сколько полагается...

Не прошло и трех дней, как Хельман был уничтожен меткой пулей, посланной народным мстителем.

Мне пришлось услышать много рассказов о жизни под фашистским гнетом от людей, которые пришли к партизанам из гитлеровского ада.

В тот день я видел юношу и девушку, вырвавшихся из оккупированного немцами города. Лица у них были бледные, истощенные.

Цветущий советский город гитлеровцы превратили в город кровавого ужаса, в мрачный застенек. Они разрушили

все культурные учреждения: клубы, театр, кино, музей, библиотеку. Драматический театр занят под лазарет для раненых немцев. Дом культуры превращен в казарму гитлеровских солдат. На городском стадионе — немецкое кладбище. Музей разгромлен. Уничтожена известная грязе-водолечебница «Хилово» — курорт всесоюзного значения. Жители города выселены из всех больших домов, понадобившихся гитлеровцам под лазареты для раненых солдат, которых они боятся везти в Германию.

Полякова мыза — живописный уголок возле города, любимое место отдыха — стала местом гибели сотен советских людей. Немцы водят сюда на расстрел мирных городских жителей. Расстрелы не прекращаются и по сей день. Рабочие льнозавода ежедневно видят, как ведут на Полякову мызу очередные жертвы. Каждый день оттуда доносятся звуки винтовочных выстрелов, льется кровь советских людей.

Виселица в городе не убирается. Недавно повесили Борю Сухорукова, мальчика, заподозренного в том, что он держит связь с Красной Армией. Единственной уликой этой связи был репродуктор, который нашли у него. Труп мальчика висел несколько дней на телеграфном столбе на центральной площади города — площади Революции. В середине апреля повесили еще одного мальчика, Шуру, у которого нашли радиоприемник.

Диким насилиям и глумлениям подвергаются девушки. Немцы расстреляли Шуру Скарлыгину, служащую Райпромкомбината. Перед расстрелом немцы совершили над ней групповое насилие.

Для населения введен режим каторжного принудительного труда. Введены рабочие паспорта для всех жителей начиная с четырнадцати лет. Горожан посылают на самые тяжелые работы — на уборку разрушенных зданий, на земляные работы. Этот каторжный четырнадцатичасовой труд оплачивается так называемыми «полевыми» деньгами, бумажками, не имеющими никакой ценности.

В породе царит нужда и голод. На базаре давно уже нет никакой торговли. Гитлеровцы опрабили население. Вначале по квартирам ходили испанцы из «Голубой дивизии», потом немцы из эсэсовских дивизий. Установлен ничтожный хлебный паек, который выдается мукой сразу на неделю. Выстраиваются опростые очереди. Население по несколько дней ждет выдачи муки, зная, что она достанется не всем.

Запрещено появляться на улицах после восьми часов вечера. Да и днем жители не рискуют выходить на улицу, где бесчинствуют немецкие солдаты. Население ютится в маленьких деревянных домишках, без света, воды, топлива.

Управляет городом бургомистр Лайминх, какой-то проходец, работавший до прихода немцев садовником на курорте «Хилово». Он заставляет посетителей вползать к нему на коленях. На службу к немцам пошло несколько презренных изменников родины. Так, в земской управе чинит расправу чиновник царской армии, бывший статский советник, служивший у белых, Беляев. Начальником Дубровенской управы немцы назначили бывшего торговца, пьяницу и растлителя Пученкова. В полиции служит пьяница и вор Мудров, бывший офицер царской армии. Вот кто эти предатели и изменники родины, глумящиеся и издевающиеся над советскими гражданами.

В деревне несколько дней жили два летчика, вырвавшиеся из немецкого плена. Они отдыхали после тяжелого многодневного перехода по оккупированной немцами территории.

Их самолеты были подбиты, они выпрыгнули на парашютах из машин и попали в плен. Несколько месяцев они провели в заключении в лагере военнопленных в Пскове. Летчики были молоды. Старший, лет 25, рассказывал о виденном и пережитом неохотно, ему было тяжело говорить об этом. На молодом лице проступили ранние морщины, черные волосы были густо тронуты сединой.

В лагере все пленные ютились в открытых сараях кирпичного завода. Голод и болезни ежедневно уносили десятки жизней. Фашисты заставили пленных вырыть возле лагеря длинную и глубокую траншею. По утрам в эту траншею выбрасывались все умершие за сутки. К весне она наполнилась трупами до верха.

Немцы начали отбирать из пленных людей, имеющих техническую квалификацию. Летчики попали в партию военнопленных, которых немцы решили направить для работы на заводах в Германию. Их повезли в закрытых товарных вагонах. Летчики давно думали о побеге и ждали удобного случая.

Теперь или никогда! Когда переводчик, охранявший партию пленных, заснул, они открыли маленькое окошко, вылезли и на полном ходу поезда спрыгнули.

Отлежавшись, ночью они двинулись на восток. Крестьяне охотно кормили их, показывали безопасные пути. Во всех деревнях, где проходили летчики, их спрашивали:

— Вы давно с родины? Скоро ли здесь будет Красная Армия?

Им говорили о партизанах этого района, весть о них шла далеко. Пример мужественного поведения патриотов вдохновлял советских людей на беспощадную борьбу с гитлеровцами.

Летчики в лесах встречались с вооруженными людьми, которые шли к партизанам, чтобы вместе с ними бить врага...

* * *

Вечером группа партизан уходила в тыл к немцам минировать шоссейную дорогу. За последнее время по этой дороге шло усиленное движение немецких колонн.

Командир группы достал записную книжку и сказал:

— С 1 мая буду записывать, что нами делается для выполнения первомайского приказа товарища Сталина. Думаю, что сегодня десятка два машин подорвем. Уж больно спокойно на этой дороге.

5. НОЧНОЙ БОЙ С ГИТЛЕРОВЦАМИ НА РЕКЕ

На рассвете командир и начальник штаба возвращались домой после удачного налета на крупный немецкий гарнизон. Лошади шли по дороге ходкой рысью. Дни стояли холодные, на деревьях еще не лопнули почки, а в низинах, в оврагах и в лесу лежал снег. По-весеннему шумела темная быстрая река.

Командир вглядывался в хмурые дали и под шум воды обдумывал план большого налета на противника. «Дня спокойной жизни не дадим гитлеровцам», — думал он, и вид полноводной реки рождал озорную мысль. Он даже засмеялся от удовольствия, и начальник штаба удивленно посмотрел на него.

— Надо будет, пока вода не спала, немцев в реке покупать, — весело сказал командир начальнику штаба.

— Можно и покупать, — охотно согласился тот и улыбнулся по-мальчишески озорно.

Весь день и ночь шла большая и сложная подготовка к налету. Часа в два ночи мы зашли в штаб. За картой сидел начальник штаба, намечая отряды, которые должны были принять участие в налете, их исходные рубежи для атаки, безопасные пути подхода и отхода партизан. Перед ним лежали схемы населенных пунктов с точным обозначением пулеметных точек противника, минометных и артиллерийских батарей. Он сомневался в данных разведки по двум населенным пунктам.

— Нет, не может быть, чтобы они оставили этот участок открытым, — сказал он.

Был вызван связной, и начальник штаба объяснил ему, что

надо перебраться на ту сторону реки; условленным сигналом вызвать из этих деревень наших людей и привести их в штаб.

— У нас стало законом совершать налеты, когда точно известны силы противника, все его огневые средства, система обороны,— объяснил он.

Примерно через час связной и два колхозника — жители тех деревень, где стояли немецкие гарнизоны,— вошли в штаб. Начальник штаба сердечно поздоровался с ними.

— Собираемся к вам в гости,— сказал он.

— Милости просим. Хватит им гостить.

Все трое склонились над картами. Подробно и толково колхозники рассказали о силах противника, о расположении блиндажей.

— Ну, большое спасибо, товарищи,— поблагодарил их начальник штаба.

Беседа продолжалась с час. Колхозники сказали, что до рассвета они успеют благополучно вернуться домой. Да и опасно было на день оставаться в штабе. Немцы зорко следят за жителями и относятся особенно подозрительно к длительным отлучкам мирного населения. Как потом стало известно, колхозники без всяких приключений добрались обратно.

— Теперь я спокоен, — сказал начальник штаба. — Не напрасно сомневался. В этом месте противник за последние дни провел большие оборонительные работы и усилил гарнизон. Ишь, сколько блиндажей понастроили! Придется и нам на этот участок побольше силенок бросить.

К утру план купания в холодной воде фрицев и гансов был готов. Партизанские отряды должны были в один час совершить налет на шесть немецких гарнизонов, расположенных по берегам реки.

Темнело, когда мы выехали к командному пункту. Дорогой командир рассказывал:

— Сегодня увидите, что такое партизанский бой. Людей у нас много, вооружения достаточно. Половина наших людей вооружена автоматами. Больше половины оружия — трофейное, у немцев отбили. Услышите, как будут работать немецкие автоматические пушки, крупнокалиберные минометы. Честное слово, у нас они работают лучше, чем у фашистов. Люди у нас отборные, люто ненавидят гитлеровцев, у каждого бойца есть свой кровный счет мести.

Он оглянулся и недовольно произнес:

— Предательская, кажется, будет ночь.

Он говорил о луне. Не любят партизаны светлых ночей, слишком хорошо все видно в такие ночи. Темная, с дождем

да с ветерком — вот любимая партизанская ночка. Можно незаметно и неслышно подползти к самым блиндажам противника, ошеломить его неожиданным нападением.

Мы миновали два села, въехали в третье и остановились на углу возле большого дома. Жители уже ложились спать. Ездовые, приняв лошадей, увели их в овраг. Командир вошел в избу. Хозяева, узнав, кто приехал, торопливо завешивали окна овчинами, одеялами. На столе появилась коптилка, и командир разложил карту.

Прибывали связные с донесениями, что отряды занимают исходные рубежи. Все шло хорошо.

В избу вошел комиссар. Он только что побывал в отрядах.

— А ноченька будет добрая, — весело произнес он, — партизанская.

Приближался условленный час налета, и чувствовалось, как всех охватывает нетерпение. Что даст эта ночь?

Все вышли на улицу и направились на край села. Тьма стояла непроглядная, моросил мелкий дождь, сильный ветер дул в лицо. У сарая все остановились. Наблюдатели сидели на крыше, провертев в соломе смотровые окошки.

— Везде тихо, — сообщили они.

Молча стояли мы под дождем, вслушиваясь в шорохи ночи, напряженно всматриваясь в темноту. Шумел дождь, и шуршал соломой ветер. Донеслась длинная пулеметная очередь — сигнал начала атаки.

И ночь ожила. Этому пулемету разом в нескольких местах ответили другие. Раздались глухие взрывы, как будто били из 76-миллиметровых орудий.

Красные, желтые и белые пунктиры трассирующих пуль и снарядов чертили горизонт. Взлетали цветные ракеты.

— Запаниковали немцы, — потирая руки, произнес командир.

Бой за шесть населенных пунктов начался одновременно. Ветер ясно доносил разрывы гранат, треск винтовок и автоматов, длинные и короткие пулеметные очереди.

Командир, комиссар и начальник штаба стояли на крыше сарая. Они хорошо разбирались в звуках боя. То, что казалось беспорядочной стрельбой, им рисовало стройную картину боя.

— Слышишь, как Н. жмет, — говорил командир. — Правильно сделали, что усилили его отряды.

— Ага, вот и наша пушка заговорила.

— «Старик» — молодец. Уже в село ворвался. Ишь, как рвутся там гранаты! Пулеметы у немцев замолчали. Хорошо!

Нам приходилось видеть ночи, пронизанные огнями, боевые армейские ночи, когда в ход пускаются все огневые средства, когда звуки выстрелов пулеметов сливаются с разрывами мин, снарядов. Но такого насыщенного огнем боя, как в ту партизанскую ночь, когда черную, непроглядную тьму вдруг разорвало молниями сильного огня, мы не видели.

В бой с ненавистным врагом шли народные мстители. По мокрой земле скрытно подбирались они к самой околице деревни, неожиданно появлялись у блиндажей и крайних изб и сразу навязывали жестокий ночной бой. Партизаны уничтожали фашистов.

Народные мстители (какое это хорошее название!) выполняли благородное дело, они были мстителями за все горе нашего народа, горе нашей родины. Прекрасно оружие, когда оно поднято в защиту правого дела! В этом ночном бою сказалась сила народного гнева, сила ненависти к врагу. Так могут драться только сильные духом, так можно драться только за священную родину.

Прямо впереди появилась какая-то неподвижная красноватая точка, словно повисла в воздухе прассирующая пуля. Все с удивлением наблюдали за ней. Минуты через две из нее вдруг вырвалось пламя и багровый свет окрасил низкие тучи. Осветилась вся окрестность, стало светло и у сарая, и все отступило в тень.

Начался пожар и левее. А через полчаса пожарище запылало над всеми шестью населенными пунктами, за которые вели бои партизаны.

— Сволочи! — выругался командир. — Нарочно жгут.

Гитлеровцы запалили дома, чтобы опромными факелами осветить окрестность, рассеять страшный для них мрак ночи.

Шум боя усиливался. Била тяжелая артиллерия, автоматические пушки противника, все чаще взлетали ракеты. По всем признакам партизаны застали врасплох гарнизоны врага. Немцы еще не разобрались, с какой стороны на них нападают, где главные партизанские силы. Поднялась беспорядочная стрельба и в дальних деревнях, где вовсе и не было партизан. Ракетные сигналы только путали немцев. Тяжелые орудия сделали несколько выстрелов и по нашей деревне. Осколки просвистели над сараем. Пришлось искать укрытия от артиллерийского огня. Потом внезапно немцы перенесли огонь и ударили по деревне, где стоял немецкий гарнизон.

Начальник штаба тронул за плечо.

— Идемте, — шепнул он.

Лощиной мы вышли к лесу. Прошла километра полтора. В кустах что-то звякнуло. Начальник штаба остановился и прислушался. Двинулись дальше. Под ногой хрустнул сучок, и раздался напряженный женский голос:

— Кто идет?

— Свои, — ответил начальник штаба и произнес пароль.

В кустах стояли лошади с повозками. Это был санитарный пункт. Ответ близкого пожарища падал на лес. Шум боя здесь был особенно близок.

Пригнувшись мы двинулись по освещенному полю. Над нашими головами просвистело несколько пуль и с громким треском разорвалось у нас за спиной. Били разрывными.

— Ложись, — раздалась команда.

Мы поползли вслед за начальником штаба по мокрой земле. Впереди виднелись тени перебегающих и переползающих людей, группы лежащих. Трассирующие пули стороной шли на лес. Потом рывкнула автоматическая пушка и отсчитала двадцать ударов трассирующими снарядами по лесу.

На бугре, выбрав удобное местечко, за камнем сидел пулеметчик. В пламенном свете пожарища было видно его возбужденное, блестящее от пота лицо. Он вдруг припал к пулемету, и трассирующие пули мелькнули где-то у села. Там металась тень.

Командир отряда лежал на земле и следил за боем.

— Пусть быстрее врываются в деревню, — говорил он связисту. — На правый фланг надо подбросить парочку пулеметов. Быстро!

Связист, как юркая змея, замелькал между земляными холмами. Раздались частые глухие удары.

— Склад, верно, подпалили. Ох, хорошо идет бой.

— Потери есть? — спросил начальник штаба.

— Один раненый.

— Пошли заслон левее. Как бы туда противник не полез.

— Хорошо, — но тут же отвлекся от разговора. — Ага, влево побежали. Сейчас еще вам огоньку прибавят. Видишь, — показал он рукой, — наши уже к горящему дому подбираются. Сидят там два пулеметчика и никак не дают к деревне подойти. Послал снять их.

И действительно, когда мы ползли обратно по полю, слыша свист пуль и прижимаясь к земле, раздалось несколько сильных глухих ударов и обстрел прекратился.

Командир еще сидел на крыше сарая, свесив ноги. Он окликнул начальника штаба, и тот доложил обстановку.

С земли кто-то позвал начальника штаба. Он быстро спустился вниз и сообщил:

— Товарищ начальник! Доносят, что немцы побежали к переправе, были обстреляны и вплавь перебрались через реку.

— Начали купаться! Хорошо.

Взвильсь вдали белая, а вслед за ней красная ракеты.

— Занят населенный пункт, — сказал командир.

Нас трясло от холода, но не хотелось уходить с командного пункта. Напряжение ночного боя не ослабевало. Через некоторое время над соседним населенным пунктом взвильсь в черное небо белая и красная ракеты — сигнал победы.

Начало светать. Стали видны лица соседей, ближние кусты, овраг, камни на склоне.

— Пора давать сигнал отхода, — приказал командир.

Три красные ракеты с треском взвильсь над нашими головами. Вскоре последовали ответные сигналы.

Туман пополз по оврагу. В кустах топтались партизаны заградительного отряда, продрогшие на холодном ветру. Бой постепенно утихал. Командир продолжал наблюдать за окрестностями.

— Славно купали фрицев, — доволью произнес он, спускаясь вниз.

Связные всех отрядов доложили, что партизаны приняли сигнал отхода и выходят из боя. Можно было трогаться в обратный путь.

Результаты боя еще не были известны, но командир всю обратную дорогу был весел и разговорчив. Налет удался.

Только в теплой избе мы почувствовали, как устали от двадцатикилометрового перехода на лошадях, как замерзли за ночь. Минут через двадцать в избе уже все спали.

Днем прибыли связные с донесениями о результатах налета. «Противник потерял 93 солдата и одного офицера, — доносил один из командиров. — Уничтожено шесть пулеметов, миномет, взорван склад боеприпасов. Наши потери — двое убитых и пятеро раненых».

Начальник штаба — он еще не ложился — уже подводил общие итоги налета. Около 250 солдат и офицеров потерял в эту ночь противник. Уничтожено двенадцать пулеметов, захвачено три, взорвано три склада боеприпасов.

Партизаны отвоевали у врага в эту ночь два сельсовета, восемь населенных пунктов.

6. ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ КОМАНДИРА И КОМИССАРА

Поздно ночью, когда все в штабе ложились спать, командир раскладывал на столе карту-двухкилометровку, высыпал из коробочки цветные карандаши, придвигал лампу и долго сидел, склонившись над картой, вглядываясь в сплетения рек и дорог, в зеленые пятна лесов и болот. В эти минуты лицо его было сосредоточенно и спокойно. Иногда он делал какие-то отметки на карте.

Просыпаясь среди ночи, я нередко видел за столом рядом с командиром комиссара, с лицом, еще помятым после сна, с взлохмаченными волосами. А командир, видимо, так и не ложился. Они вели оживленный, приглушенный разговор. Из отрывочных фраз можно было догадаться, что речь идет об очередном налете на немецкие гарнизоны.

Я всматриваюсь в командира и комиссара и вспоминаю историю необыкновенной дружбы этих таких разных и непохожих друг на друга людей, которые уже десять месяцев ведут суровую войну с немецкими оккупантами, руководя боевыми действиями партизан.

Немецкое командование, потерпев зимой неудачу с посылкой карательной экспедиции против партизан, забросало деревни и села листовками с портретами командира и комиссара, обещая по 5 тысяч рублей за их трупы. Напрасно тратились немцы на печатание фотографий. Все население от мала до велика любит руководителей партизанских сил. Без всякой охраны командир и комиссар продолжали разъезжать по всем дорогам, и ни одна пуля из засады не просвистела над ними. Предателей здесь нет.

История дружбы командира и комиссара стоит того, чтобы о ней рассказать.

Командиру, человеку с открытой и веселой душой, комиссар казался суховатым, частенько излишне придирчивым к людям. При выборе командного пункта для руководства очередным налетом на немецкие гарнизоны комиссар оставлял за собой последнее слово, тщательно проверял, какая туда высылается охрана и как располагаются посты. Эта осторожность казалась командиру излишней.

Командир умел целиком принимать людей, со всеми их хорошими и дурными качествами. С трусами он расправлялся беспощадно. Человека он ценил прежде всего по поведению в бою, по его боевым качествам. На фронте, а тем более у партизан, рискующих ежечасно головой, люди сходятся быстро. Кое в чем он уступал комиссару, кое в чем продолжал упорствовать.

Война открыла в командире качества волевого и смелого командира. Скромный начальник Дома Красной Армии, старший политрук по званию оказался талантливым руководителем партизанского движения. Решительный и беспощадный к врагу, он в каждый налет вносил что-то свое личное, радостное, и командиры о нем говорили, что он «с улыбкой воюет».

Его налеты всегда выделялись неожиданностью разрешения задач. Любая операция — большая или маленькая — увлекала командира возможностью бить врага на этот раз иначе, чем в прошлый раз.

Неистощимый на выдумки, он однажды за полтора часа до боя послал на левый фланг небольшую группу партизан с приказанием устроить двадцатиминутный «шумовой концерт». «Концерт», составленный из пулеметных очередей, минометных разрывов, вышел на славу. Партизаны «играли» на совесть, не жалея патронов, как им и было приказано. У противника начался переполох, десятки ракет взвились в воздух, и добрый час гитлеровцы обстреливали из тяжелых минометов, орудий, автоматических пушек пустой лес, из которого партизаны через двадцать минут уже ушли.

Когда все стихло, партизаны начали свой страшный ночной налет на гарнизоны, и тогда стало понятным, зачем понадобился командиру этот предварительный «концерт». Решив, что в этом лесу сосредоточены основные партизанские силы, противник открыл по нему ураганный огонь. «Концерт» помог без больших потерь ворваться в три сильно укрепленные деревни и вышибить из них гитлеровцев.

Командир и комиссар были большими друзьями и всегда находились вместе, одинаково участвовали во всех налетах, спали рядом в блиндаже, укрываясь одним полушубком.

Зима в прошлом году пришла рано. В середине ноября уже выпал снег, мороз сковал реки и озера. В начале декабря немецкое командование, обеспокоенное возрастающей активностью партизан, бросило дивизию на их подавление. По звенящим, кованым морозом дорогам загромыхали танки, бронемашины, артиллерия. С раннего утра воздух наполнялся воем немецких самолетов, которые на бреющем полете выслеживали места расположения партизанских сил, обстреливали случайные подводы колхозников на дорогах, бомбили и поджигали деревни и села. Немецкие каратели рассчитывали взять в кольцо партизанские силы и навсегда покончить с ними.

Как раз в это время отряды после крупного налета возвращались различными дорогами и оказались отделенными друг от друга, отрезанными от своих баз, потеряли между собой связь.

Командир и комиссар находились в разных отрядах. Они ничего не знали о судьбе друг друга.

Командир увел свои отряды в глубь лесов, окруженных болотами. Партизаны сидели в лесу без продуктов, без патронов, к тому же с ними были раненые, нельзя было развести костров. Над лесом, что-то подозревая, кружили немецкие разведывательные самолеты.

Разведка доносила, что значительные силы немцев занимают села, охраняют все главные дороги. Попытки связаться с другими отрядами, где находился комиссар, не удались.

Нечего было и думать самостоятельно навязывать противнику бои. Боеприпасов осталось немного, уже несколько дней люди жили, питаясь одной только клюквой. Кончились даже продукты, которые берегли для раненых.

С небольшой группой командир ушел в двухдневную разведку. Вернулся он еще более похудевший, с запавшими глазами, но, как обычно, оживленный, веселый, внешне спокойный. Партизаны держались стойко — ни жалобы, ни ропота. Они только стали более молчаливыми. Неизвестность положения тяготила их.

В блиндаже, вернее, в земляной дыре, накрытой сверху соевыми ветками, командир пролежал всю ночь рядом с бойцами, не смыкая глаз, пытаясь что-нибудь придумать.

Утром он решил эвакуировать всех раненых и женщин. В меньшем количестве, но с большим запасом патронов на каждого, они еще смогут продержаться несколько дней. За это время что-нибудь может измениться.

Вечером он опять пошел в разведку и к лагерю вернулся уже под утро. В лагере что-то случилось. Слышны были громкие голоса, веселые разговоры. Командир прибавил шагу.

— Наши пришли, — радостно сообщил ему встречный боец.

— Где комиссар?

— В вашем блиндаже.

Возле блиндажа стояли комиссар и начальник штаба.

«Вывел отряды. Вот это комиссар!» — с восхищением подумал командир и хотел обнять комиссара, но встретил суровый, настороженный, почти враждебный взгляд и ограничился коротким вопросом:

— Всех вывел?

— Да. Мне нужно с тобой поговорить.

Они прошли к соснам. Комиссар держал в руке пачку донесений. Глаза комиссара неестественно блестели, он уже не спал четверо суток, краснели обмороженные скулы.

— Ты решил заканчивать войну? — иронически спросил он.

— Почему ты так со мной разговариваешь? — вспыхнул командир. — Не заканчивать, а спасать людей. Другого выхода не было.

— Такие сведения надо давать за двумя подписями, я тоже отвечаю за людей. Это — отступление. Тут только твоя подпись, и я уже послал другую сводку. Пусть нам подбросят боеприпасы и продукты. Будем воевать, района не покинем.

Командир молчал.

Это была та поворотная минута, которая могла все изменить. Одно неверное слово, и они могли стать навсегда чужими друг другу, на всю жизнь. Комиссар знал лучше, чем кто-нибудь другой, как много сделал командир, чтобы создать из мелких, разрозненных партизанских групп боевые отряды, спаянные суровой воинской дисциплиной. Он отдавал должное ему и как умелому и талантливому начальнику. Конечно, ему, комиссару, не заменить командира. Но ошибка осталась ошибкой. То, что было сделано им, он не позволит ему же разрушать.

— Наверное ты придумал что-нибудь другое? — спросил он. — Не может быть, чтобы мы не могли удержаться здесь и ударить по немцам.

— Ты неверно понял сводку. Я думал только о раненых и женщинах.

— Пусть они останутся здесь. Эвакуация породит тревогу.

— Молодец ты, комиссар! — вырвалось у командира. — Вот не думал! Все останемся. Будем бить немцев.

Тут же на снегу они разложили карту, чтобы окончательно уточнить обстановку и наметить план действий на ближайшие дни.

— Тяжело было? — вполголоса спросил комиссар.

— Сам видишь, лес, люди измучились, боеприпасов нет. А у вас?

— Всего хватило. Думали, что не пробьемся.

Через десять дней партизаны уже гнали карателей, истребляя гарнизоны, заставляя гитлеровцев бросать пушки, бронемашину, отбивая у них обозы, освобождая деревню за деревней.

* * *

Уже несколько дней ездим мы с командиром по партизанским отрядам. Петя Синцов, мой спутник, путешествует по другим отрядам с комиссаром. Мы почти не видимся. Лишь изредка мне передают приветы от Синцова.

Я не могу налюбоваться на командира. Мы сдружились за эти дни, и он шуточно говорит:

— Оставайся, корреспондент, партизанить. Поставим комиссаром отряда. Будем вместе фрицев бить. А с ватуры и писать будет легче.

В каждом селе у него много знакомых. Он обязательно делает остановку, заходит напиться. Выпьет кваску, похвалит хозяйку за медовый вкус кваса, выкурит папиросу с хозяином, потолкует с ним о колхозных делах и трогается дальше. У бойцов загораются глаза, когда видят они высокую фигуру командира. Ради него они готовы на любое дело, как бы ни было оно опасно. Он знает это и не забывает предупредить.

— С толком приказ выполняйте. Голову зря не суйте. Безголовые мне не нужны.

Любит он крупные, добротные сделанные полезные вещи. Его рыжая высокая кобыла Фрицка, с широкой грудью, послушна и привязана к нему. Он оставляет ее в лесу без привязи, и она продирается сквозь кусты на его голос. Сапоги у него высокие, болотные, шпоры со звоном. Это подарок партизан. Шпоры носил немецкий полковник. На груди — большой десятикратный цейс, сбоку — тяжелый маузер, за плечом — немецкий автомат.

Мы приезжаем в деревню, где стоит штаб одного из партизанских отрядов, того, который дополнительно брал деревню, чтобы не исправлять ошибочного донесения. Задуман новый налет, неожиданный и интересный по замыслу. Но пока командир не рассказывает о подробностях его, только лукаво шурит глаза.

После завтрака он разложил карту и сказал:

— Посторонних прошу оставить комнату.

Осталось несколько человек.

— Мы теперь стоим в трех километрах от железной дороги. Грешно упускать такой удобный случай...

7. ЗАДАНИЕ КОМАНДИРА ВЫПОЛНЕНО

— Задача ясна? — спросил начальник молодого командира отряда.

— Так точно.

— Выполняй приказ. Главное — внезапность и неожиданность. Если выдадите себя раньше времени, все пропало.

Я вышел вслед за командиром на крыльцо.

— Вот придумал начальник, — весело сказал он. — Хорошо придумал. Интересное дал задание. В девять часов выступаем. Идете с нами? Хорошо! Мы за вами зайдем.

Мы простились с ним до вечера, и я пошел в соседнее село за три километра. Там проходила оборонительная линия партизан. Хотелось посмотреть на рубеж, отделяющий советскую землю в тылу врага от территории, оккупированной немцами.

На горе — селение. Видна разрушенная белая церковь, несколько изб, пробитых насквозь снарядами, и опять знакомые мрачные пепелища. На улице села, по огородам, на берегу реки — большие воронки, наполненные до краев желтой водой. Несколько раз немцы бомбили это село.

Командир отряда «Храбрый» ведет нас вокруг села, показывает, как организована его оборона. Он бывший инженер, и ему очень хочется получить оценку своей работы по военной специальности. С трех сторон села построены прочные глубокие деревянные блиндажи с пулеметными гнездами, вырыты глубокие окопы, ходы сообщения. Село стоит на большой дороге, соединяющей крупную железнодорожную станцию с городом, оккупированным гитлеровцами. Эта дорога очень нужна немцам, и они делали не раз попытки вытеснить с нее партизан, но всякий раз попытки эти оканчивались неудачей.

Неожиданно раздается знакомый характерный треск автомата. Бьют короткими очередями.

— Пробуют немецкие автоматы. — говорит командир. — Вчера разведку противника захватили, пять автоматов забрали.

Проба автоматов идет у бани, на крутом склоне. Партизаны устроили нечто вроде окопчиков и ведут стрельбу по мишеням, укрепленным на березах на противоположном берегу. Немного в стороне женщины на реке полощут белье. Стрельба их мало трогает, они не обращают на нее никакого внимания: свои стреляют.

За селом начинается сосновый бор, таинственная дорога уходит в глубь его. Там, за лесом, село, занятое немцами. С командиром отряда мы вступаем на лесную дорогу, сворачиваем на тропку и скоро выходим к деревянной высокой вышке. Когда-то она была ориентиром для летчиков гражданского воздушного флота, теперь здесь наблюдательный пост партизан.

С вышки далеко видно все окрестности. Весенний ветер дует в лицо. Леса, леса... Лишь кое-где виднеются бурые поля и яркая зелень озими. На восток — земля партизан, на запад — территория, оккупированная немцами. Рядом, совсем близко, мы видим деревни, дороги. И как-то не верится, что враг так близок, что еще две недели назад он занимал и село, где мы сегодня ночевали.

За лесом, километрах в трех, проходит линия железной дороги. Кажется, идет поезд. Командир протягивает бинокль.

В самом деле, идет немецкий поезд. Но движется он, как-то очень странно: пройдет, остановится. Я смотрю в бинокль и вижу забавное зрелище. Впереди паровоза катится пустая платформа. Паровоз толкает ее и осторожно подбирается к ней, опять толкает, опять ползет. Не быстро ходят немецкие поезда по нашей советской земле. В таком страхе держат гитлеровцев партизаны. Не проходит трех дней, чтобы на железной дороге не полетел под откос состав, не взлетел на воздух паровоз, не обрушился мост.

...Мы стоим у опушки леса под моросящим дождем. Падают вечерние сумерки. Молодой командир оглядывает небольшую группу партизан и говорит:

— Сергей, табак оставил?

— Немного.

— Выброси.

— Товарищ командир, одна закурка на обратный путь.

— Выброси!

Партизан нехотя засовывает руку в карман, вытаскивает расшитый кисет, медленно вывертывает его и с сожалением смотрит, как табак сыплется в грязь.

— Одна закурка... — с упреком говорит командир.

— Так конечно же одна! На всех ребят, — нимало не смущаясь, находится Сергей.

— Больше табаку ни у кого нет? Тогда пошли.

После недавнего дождя дорога размокла еще больше. Ноги вязнут в глине. Но это еще было сравнительно ничего. Скоро мы свернули с дороги в лес и пошли через болото. Ноги уходили все глубже и глубже, холодная вода стала наливать в сапоги. Шли молча, растянувшись, на расстоянии двадцати-двадцати пяти шагов друг от друга.

Быстро темнело. Мы уже не различали кочек и шли прямо по воде, не разбирая, глубоко здесь или мелко, иногда проваливаясь по пояс. Так же в брод переходили и лесные ручьи.

Внезапно лес оборвался, и мы остановились. Метрах в шестистах виднелась деревня.

— В этой деревне немцы, — сказал командир. — Отдохнем часок.

Дозор выдвинулся к опушке леса.

— Сейчас бы и закурить, — сказал кто-то.

— У немцев разве попросить на закурку? — ответил сосед шуткой.

Странно было отдыхать в такой близости от противника. Что они могут сейчас делать в деревне? О чем думают? Не подозревают, что так близко от них сидят партизаны, замыслившие крупное дело.

Через час тронулись дальше лесом. Шагаем осторожно, на расстоянии, которое позволяет видеть спину впереди идущего. Уже было совершенно темно, когда командир сказал:

— Пришли.

Двух человек он послал в разведку, а мы опять молча сидели в лесу и ждали их.

Начал накрапывать дождь, но никто не обращал на него внимания. Напряженно вслушивались.

Раздались осторожные шаги, хруст веток под ногами.

— Сарая у железной дороги нет, — доложил разведчик.

— Не может быть, — возразил командир. — Хорошо проверили местность?

— Вышли правильно, но немцы спалили его.

— Это хуже, — пробормотал командир. — Это они правильно сделали, но для нас хуже. Хорошее было место для засады. Придется что-нибудь придумать. Пошли, — позвал он разведчиков.

Некоторое время слышались их шаги, плеск воды под ногами. Время тянулось очень медленно. Хотелось курить, но об этом лучше было не думать. А табак лежал в кармане, и я даже пожалел, что не выбросил его, как Сергей. Зато нашелся в кармане сухарь. Но он так затрещал на зубах, что пришлось его бросить.

Послышалось какое-то движение, куда-то тронулись люди, а рядом вдруг оказался командир и сказал:

— Нашли хорошее местечко, овражек с кустиками у самой дороги. Там и устроим засаду. Мы остаемся здесь.

Вскоре мы услышали медленно нарастающий тяжелый шум, как будто издали на лес налетел ветер и приближался к нам. Послышалось редкое постукивание колес и осторожные выдохи паровоза.

— По нашей земле, гады, ездят, — со злостью сказал командир и сплюнул. — Доезжаются!

Командир был человеком очень решительным, но не особенно многословным. Он говорил ровно столько, сколько это необходимо командиру.

Шум поезда поравнялся с нами. Он шел черный, невидимый. В просветах между деревьями на миг только блеснула будка машиниста, освещенная пламенем топки.

Медленно наступал рассвет, холодный, хмурый рассвет в сыром лесу. Птицы защелкали над головой. От дерева к дереву, крадучись к нам приближался партизан. Между лесом и полотном железной дороги лежало пустое кочковатое поле с рыжей, повядшей прошлогодней травой. Песок на насыпи был желтый, и рельсы блестели.

— Бойцы спрашивают: покажется поезд, можно ли стрелять? — сказал партизан.

— Нет. Начальник приказал обязательно ударить, когда будет совсем светло. И бить прежде всего по паровозу.

— Обстрелять, когда будет светло, бить по паровозу, — повторил партизан и двинулся обратно.

Часов около шести-семи стало совсем светло и все было хорошо видно. Прошел еще один поезд, товарный, в двадцать вагонов.

Командиру было очень трудно сдержаться и не ударить по этому поезду. Вид и шум немецких поездов причиняли ему опромные страдания.

Вдалеке раздался тяжелый удар. Командир приподнял голову и прислушался. Но больше ничего не было слышно.

— Наши ребята плотно подорвали. Может быть, этот поезд под откос пустили?

Сколько я ни вглядывался в редкие кусты, партизан найти не мог. Так искусно они спрятались.

Наконец, часов в восемь опять защелкали колеса.

— Пора, — шепнул командир и приказал связному: — Передай, пусть готовятся к бою.

Больше он не мог терпеть. Впрочем, было достаточно светло, и можно было считать, что день начался. Связной некоторое время был виден. Быстро и осторожно пробирался он между кустами и вдруг исчез.

Показался поезд: несколько классных вагонов, шесть товарных и четыре платформы со шпалами, рельсами, небольшим подъемным краном. Это был вспомогательный поезд. Верно, значит, что партизаны где-то подорвали плотно или пустили под откос состав.

Этот поезд шел несколько быстрее двух первых, видимо, торопился к месту катастрофы. Вот он миновал место, где чернели обгорелые бревна сарая, миновал поваленный телеграфный столб, поровнялся с холмиком, заросшим низкорослыми кустами.

Машинист как раз высунул голову, чтобы посмотреть на путь впереди, когда по паровозу ударила первая очередь из станкового пулемета. За этой короткой очередью последовала вторая. Из длинного туловища паровоза со свистом начал бить пар сразу из многих отверстий. Машинист нырнул обратно в будку, и над окрестностями пронесся жалкий, испуганный вопль гудка о помощи. Уже звенели стекла вагонов, по которым били из пулеметов и автоматов.

Послышались промкие испуганные крики, ругательства. Загремели ответные выстрелы из окон. Немецкие солдаты нача-

ли прыгать на другую сторону полотна и вели огонь из-за вагонов, маскируясь за насыпь. Несколько солдат столпились на площадке, помогая пулеметчику подняться на крышу. Немец уже держался руками за крышу, как вдруг обмяк и мешком свалился вниз. На площадке уже не было солдат. Раненый попытался встать, покачнулся на коленях и рухнул между рельсами.

Несколько партизан подобрались к самой насыпи. Что-то ярко вспыхнуло у них в руках, и огненные комки полетели на товарные вагоны.

Вагоны начали гореть.

Сзади в лесу раздался осторожный свист. Командир ответил. Между деревьями торопливо двигался человек с автоматом в руках.

— Сюда движется крупный немецкий отряд, — сказал он.

— Опоздали немцы. Передай, чтобы отступали.

Пылали шесть вагонов. Черный дым прибивался дождем к земле и висел над составом. Трещали выстрелы. На насыпи виднелись неподвижно лежащие тела. Паровоз все еще шипел. Словно сквозь сито, мелкими струйками бил пар.

Вскоре весь отряд собрался в лесу.

— Сколько раненых? — спросил командир.

— Все живы и здоровы. А фрицев штук пятьдесят положили!

Быстро двинулись мы в обратный путь. Партизаны, грязные с головы до ног, возбужденные, громко делились впечатлениями.

— Вижу: машинист задумал стрекача дать, — рассказывал «табачник» Сережа. — Ну и укараулил его. Только он с паровоза, тут я его и снял. Даже не шевельнулся.

— А как паровоз-то шипел!

В самом деле, это было забавное зрелище.

Часа через три мы шумной толпой вошли в село, где стоял штаб партизанского отряда, и ребята направились мыться в баню.

Здесь меня ждала записка командира. «Приезжайте в штаб, — писал он. — Захвачены интересные документы».

До штаба было добрых пятнадцать километров. Оседлали лошадь, подробно рассказали, как проехать, и я тронулся в путь, снедаемый любопытством, что это могли быть за документы.

Командир ждал меня.

— Удастся налет? — спросил он.

— Даже очень.

Он засмеялся.

— Вот паники наделали! Всегда только ночью хозяйничали на железной дороге, а теперь стали и днем нападать. По паровозу били? Значит, приказание выполнили в точности. Молодцы, ребята. А мы тут раздобыли парочку интересных документов.

Утром в лес упал загоревшийся немецкий бомбардировщик Юнкерс-88. Тотчас этот лес был окружен партизанскими отрядами и колхозниками. Со второго самолета немецким летчикам сбросили карты, которые могли бы им помочь выйти к немецким частям. Но карты эти попали в руки партизан. Красными и черными линиями были нанесены на них оборонительные пояса партизанских отрядов и немецких гарнизонов. Под красной чертой было написано: «Русские партизаны». Второй документ: справка бургомистра одного поселка, выданная некоему Тарасову Василию.

Документы были в самом деле хороши.

— Есть еще один документ, — сказал командир, протягивая толстую тетрадь. — Это дневник одного нашего партизана. Просил вас посмотреть его. Может быть, найдете что-либо любопытное.

8. ЗДРАВСТВУЙ, ОРУЖИЕ!

Я читал его ночью. Это дневник рядового участника партизанского движения Отечественной войны. Меня поразила точность передачи деталей боя, правдивость многих картин партизанского быта.

Несколько дней спустя мне удалось встретиться с автором дневника. В деревне, где мы ночевали, проходило собрание колхозников. Он приехал из отряда, чтобы рассказать колхозникам о первомайском приказе товарища Сталина.

Ночевали мы в одной избе. Это был человек невысокого роста, худощавый, с мягкими неторопливыми движениями. Когда началась война, он бросил институт, где преподавал, простился с женой, ребенком и пошел бить врага.

— Записи я веду для того, чтобы потом, когда окончится эта война, народ знал, почему мы так ненавидели немецких фашистов, почему с такой яростью вели бои партизаны. Зи-

мой, когда мы попали в окружение гитлеровских карателей, мы не боялись смерти. Мы только жалели, что нам пришлось мало повоевать, что мало мы уничтожили фашистов, невелика наша доля в разгроме захватчиков.

— А теперь, — он довольно усмехнулся, — мы стали особенно сильны. Теперь так бьем фашистов, как еще не били. Я на войну пошел из института, винтовки держать не умел. И у нас много таких, которые не думали, что им придется с оружием защищать свою родину. А теперь мы не выпустим винтовки до конца войны, и уж нас ничем не запугаешь.

Глубокой осенью этот человек уходил в тыл к немцам и рассказывал колхозникам оккупированной территории о докладе товарища Сталина 6 ноября, укреплял их веру в нашу победу, организовывал их для борьбы с фашистскими захватчиками.

Теперь он опять собирался в далекий поход по деревням, и в полевой сумке у него лежали брошюры с первомайским приказом товарища Сталина.

Я сделал из его дневника ряд записей и часть их с разрешения автора публикую.

«22 ноября.

Направляюсь в деревню, где для нас приготовили теплую одежду. Несколько колхозниц отдали последнюю шерсть с прялок. Неудобно брать, отказывался, — обижаются. Пришлось взять. Собрано двадцать полушубков, двенадцать пар валенок, пять килограммов шерсти, несколько десятков пар рукавиц, носков, много табаку.

После обеда пошел в другое село. Вошел во второй, обшитый тесом, дом и нарвался на немцев. Успел только выхватить пистолет. Один из них ухватился за пистолет, второй сорвал с левого плеча винтовку. Тесно. Они не могут ударить винтовкой. Пистолет в руках у меня и немца. Возмемся. Вытолкались в сени. Тоже тесно, не можем друг друга осилить. Достал из кармана гранату-лимонку. Увидев гранату, немцы побежали. Я за ними. На ходу вытащил кольцо и уронил гранату под ноги. Граната лежит и шипит. Схватил ее и бросил вслед немцам, которые в одних носках с винтовками убегали по снегу. Граната разорвалась метрах в двадцати-двадцати пяти. К счастью, меня не зацепило.

Последняя граната. Не знаю, есть ли еще немцы в деревне. Бегу на огород. Встречная женщина показывает дорогу. Выбежал на реку. Несколько раз лед проваливался, но не глубоко. Разбил только ногу.

1 декабря.

Тревожная ночь. Едем в деревню бить немцев. Окружаем ее. Идем ночью, по кустам на расстоянии километра от деревни. Подходим еще ближе. Слышны разговоры, лай собак. Немцы беспечны. Наша разведка вошла в деревню, побывала в их казарме. Патруль не заметил наших, прошел мимо них вплотную...

Рассветает. Первый выстрел. Я лежу в пятидесяти метрах от деревни у дороги. Еще два-три выстрела. Тишина. Почему-то кажется, что немцев в деревне нет. Но вот затрещали выстрелы. Напротив на улицу выбежали семь немцев в белых маскировочных халатах с сыскной собакой-овчаркой и бегут прямо на меня, пытаюсь уйти в лес. Даю несколько выстрелов. В панике заметались по улице. Один свалился у сарая — не то убит, не то притворился мертвым.

Пошли в атаку. Я бегу к крайнему дому. Бежать трудно — здоровье вообще было слабое да еще последствия болезни. Подбежал и залег у тына. Из дома напротив немцы ведут огонь. Стреляю по дому бронебойно-зажигательными пулями. Дом не горит. Наконец, поджигаем дом. Прекратили временно огонь, чтобы не убить хозяев, выносящих вещи.

...Собираемся на опушке леса — бывшее исходное положение перед налетом.

Ночью получаем сообщение, что наш район занят немецкими карательными отрядами. Впереди — зарево пожарищ. Короткий привал у стога сена, и двигаемся дальше.

Только вышли на опушку леса — яркое пламя осветило нас. Впереди фашисты зажгли деревню. Мы приняли это за сигнал, что нас обнаружили, и отошли обратно в лес. Уже вторые сутки ничего не ели.

4 декабря.

Болотистая равнина, кочки, жидкие чахлые сосны. Заря румянит снег. Рядом — деревня. Спешим уйти дальше в лес. На ходьбе не так холодно. Двигаемся легко. Воздух сухой и прозрачный.

Дождались сумерек и идем в деревню. Рядом, в соседней деревне, — немцы. Колхозники выделили в помощь нашим постам караул из двух наиболее бойких и смелых девушек.

Сосед гнал к празднику самогон — отдал его весь нам. Хозяйка извиняется, что свинина плохая, и жарит ее две большие чашки для нас четверых, а свинина прекрасная. Ночью достала ее хозяйка из укромного места, куда спрятала от немцев.

Всю ночь хозяйка сидит у окна и смотрит на улицу, оберегая наш сон. После теплого приюта, ласковой заботы и холодничьем. За таких людей не жаль и жизнь отдать.

5 декабря.

Снова хождение по лесу. Уже рассвет. Кругом полыхает зарево пожара. Вокруг видны восемь горящих деревень. Целая дивизия брошена на партизанский район, на расправу с мирным населением. «Горит земля русская», — говорит кто-то из ребят. До боли стиснуты зубы, глаза горят огнем мщения. Скорее бы отплатить врагу за все, за все муки нашего народа.

Идем в лагерь. Здесь следы поспешного ухода, брошены лошади, оставлено тесто в квашне. Под елью лежит баян, пулеметная лента, подушка, прицел противотанковой пушки. Снесли все в землянку. Посидели, пошли дальше, не рискнули оставаться в неизвестности. Кругом стрельба, пулеметные очереди, минометы.

У деревни навязали противнику бой. Отряд из засады ударил по поджигателям. Деревня осталась цела.

Другой отряд ударил по колонне немцев. Дали шесть залпов из противотанкового орудия и выпустили две пулеметные ленты из максима. Фашисты оставили пятьдесят убитыми и больше ста ранеными.

Глухим лесом выходим на большую дорогу. Впереди — деревня. Притаились на краю дороги под кустами. Разведка идет в деревню. Через некоторое время двигаемся и мы. Расходимся по квартирам. Хозяева уже готовят ужин. Спим в тепле, хотя и не раздеваемся, с винтовкой в обнимку, как в лесу.

8 декабря.

Ночевали в деревне. Когда построились для отхода, прибежал с охотничьим ружьем председатель колхоза, просит разрешения встать в строй, уйти с отрядом. Успокоили его, что тревога учебная. Почти все жители деревни собрались уходить. Немцы показали себя здесь со всей бандитской жестокостью. «Прибыли они в деревню 3 декабря, — рассказывает председатель колхоза. — Выгнали всех на улицу. Мужчин избивали железной цепью. Брата моего так били, что и сейчас лежит. На улице с населения снимали шубы, валенки. С одного ребенка сняли галоши. Босых и раздетых оставили стоять на морозе, в снегу, полтора часа».

На квартире у председателя колхоза живет семья погорельцев из соседней деревни. Эту деревню гитлеровцы всю сожгли, несколько человек расстреляли.

На руках у одной женщины был шестимесячный младенец. Его приказали положить на край могилы. Мать расстреляли. Ребенка взять не разрешили. Тайно от немцев, ползком, колхозницы подобралась к могиле и унесла это маленькое существо, обреченное мерзавцами на смерть.

Жуткая картина злодейств фашистов! 39 деревень сожжено, сгорело 486 хозяйств. Убито и замучено 107 ни в чем неповинных мирных граждан. Сожгли 10 школ, 2 больницы. Все хотели узнать, где партизаны. Но народа-героя нельзя ни запугать, ни купить. В одной деревне фашистский офицер полчаса держал револьвер во рту колхозницы, вынуждая сознаться, были ли партизаны и куда они ушли. Она не дала никаких показаний, хотя накануне у нее ночевали партизаны.

18 января.

Сегодня налет на крупный гарнизон противника. Наступление назначено на три часа ночи.

Выступаем и идем кустами.

Развернулись в цепь. На правом фланге стучат пулеметы. Начинается перестрелка и на нашем участке. Ракета — и, ярко освещенная, наша цепь ложится. Трещат автоматы, сзади и вокруг щелкают о кусты и телеграфные столбы разрывные пули немецких автоматов.

Движемся вперед, стреляем. Ложимся при вспышках ракет и перебегаем в промежутках между ракетами. На правом фланге раскатисто гремит «ура». Отряды пошли в атаку.

«Ура!» — раздается в наших рядах. Встаем и бежим. Мелькает мысль: «Штыка на винтовке нет, придется бить прикладом». Впереди сугробы и сарай. Ребята оббегают сарай. Идем улицей и прочищаем дома. Вошли в один дом. Здоровый верзила-немец прижался к стене, скулит, бормочет что-то. Прикончили.

Вышли к площади и залегли у дома. Впереди передвигается цепь противника. Открываем огонь. Заговорил наш станковый пулемет, и цепь срезана.

Посылаем цепь левой стороной улицы к сараю, а сами бежим к водоразборной будке. От сарая бьет станковый пулемет гитлеровцев. Посланная цепь залегла. Справа от дома бьет еще один пулемет. Мы успели добежать до будки и тоже залегли. Открываем огонь по обеим точкам. Командир отряда Горяинов переходит от одного угла к другому и ведет огонь из автомата то по левой, то по правой точке. Я стреляю лежа. Моя самозарядка работает прекрасно, хотя я и вывалял ее в снегу.

— Надо погасить пулемет у сарая, — говорит Горяинов. — Кто возьмется?

— Разрешите мне, — слышится голос Сережи.

— Идите.

Его белый халат исчезает в предраассветном тумане. Через две-три минуты слышен взрыв гранаты, и пулемет замолчал.

Бойцы по снегу переползают к нашей будке. Весь огонь мы сосредоточили на доме справа. Я встал и стреляю рядом с Горяиновым.

Начинается рассвет. Приказано отходить от площади за дома. Начинаем перебежки через площадь. Из дома по перебегающим бьет пулемет. Осталось нас у будки пять человек.

— Ох... — стонет Горяинов и падает на снег.

У него перебиты обе руки. Саша пытается разрезать рукава, чтобы сделать перевязку.

— Беги за людьми для выноса командира, — приказывает он мне.

Бегу через площадь. Рядом снег вихрится от пуль. Фью, фью... — посвистывают пули справа и слева. Нагоняю бойцов. Несколько человек возвращаются, чтобы вынести командира.

Справа из улицы бьет станковый пулемет, назойливое посвистывание пуль становится все более частым. Появились раненые. Залегли, установили пулеметы и огнем прикрываем отход наших ребят и вывоз раненых. Галопом мчится лошадь за Горяиновым. Посылаем на помощь им взвод.

На Горяинова противник перенес весь огонь. Новое ранение в щеку и в грудь. Когда клали на сани, Горяинов скончался. Рядом с ним одного партизана ранило в бедро, второго в ногу и третьего в голову. У командира взвода разбило приклад автомата.

Вот и кусты. Пули свистят над головой, высоко и безопасно. Впереди мост. Ребята остановились. Часть бойцов на той стороне. На мост не пускают. В чем дело? Сейчас мост взорвет. Садимся на снег. Оглушительный взрыв, облако дыма и фонтан щепок.

Садимся на встречающие нас подводы и едем. Вот и знакомые деревни, по которым проезжали сюда. Население высыпало на улицу. Женщины плачут. Одна старушка встала на колени и кланяется нам. Слышны возгласы: «Родные!», «Наши!», «Свой!»

Остановка на дневку. Полная хата бойцов. Чистят оружие, но большинство спит. Весь пол занят бойцами — не пройти.

16 февраля.

Уже полгода в тылу врага. От семьи никаких известий. И они ничего про меня не знают. Наверное считают погибшим.

Получен приказ выехать в другую деревню — исходное положение для наступления.

Расположились на ночлег. Наша квартира на перекрестке дорог. Собираемся укладываться. Хозяин рассказывает о зверствах фашистов. Выхожу в сени и слышу близкую стрельбу. Бежит часовой и отстреливается, следом за ним — немцы.

Вскакиваю в хату и кричу: «В ружье!» Партизаны быстро одеваются, вышли в сени. Наш дом окружен немцами, выйти нельзя, кругом стрельба, по сениям бьют из винтовок.

Боец Дмитрий посмотрел в окно. Часть людей побежала к лесу. Неужели наши отступили, а мы остались? Не может быть... Приготовил гранату и пистолет. Решил, что если придется умереть, то жизнь продам дорого.

Но вот затрещали выстрелы наших автоматов. Помощь боевых друзей пришла во-время.

19 марта.

Бой в деревне. Счетовод колхоза, инвалид с деревянной ногой, взял винтовку и помогал нашим семерым бойцам отбивать нападение 40—45 немцев. Даже раненный, он не ушел с поля боя. До начала боя в эту деревню прибежала девушка Таня из соседнего села и предупредила о подходе немцев. На обратном пути немцы ее расстреляли.

28 марта.

Сегодня бойцы рассказали о подвиге старика Семенова. Во время боя он открыл окно и крикнул:

— Ребятки, у меня в доме фашисты. Бейте сюда!

Гитлеровцы застрелили его. Он так и остался лежать на подоконнике. Все немцы погибли от партизанских гранат.

29 марта.

Интересна тактика немцев. Заняли на один день две деревни и собираются удирать — боятся нашего окружения. А партизанам бросили наспех напечатанные на пишущей машинке листовки, что положение партизан безнадежно, что они окружены, и предлагают им притти в эти деревни и сдатьсь.

Партизаны решили использовать приглашение. Отправились и выбили немцев из этих деревень.

8 апреля.

Получено письмо из одного колхоза. Сообщают о зверствах фашистов. Выстроили мирных жителей деревни и под прикрытием их попытались повести бой с партизанами. Наши не стали стрелять, а ударили по фашистам с флангов.

Мерзавцы загна́ли женщин и детей в дом, стали кидать гранаты, стрелять. Дом запалили. Несколько человек погибло. Несмотря на все эти зверства немцев, колхозники пишут, что они будут помогать партизанам всем, чем только могут.

13 апреля.

Жители одной деревни перешли на левый берег реки к партизанам, опасаясь, что во время половодья будут отрезаны и попадут к немцам. Перейдя, они заявили:

— Сожгите нашу деревню, если есть опасность, что фашисты используют ее, как огневой рубеж».

9. ТАК РОЖДАЕТСЯ НЕНАВИСТЬ

На пригорке, с которого хорошо видна небольшая деревушка, председатель колхоза Петр Васильевич останавливается и молча окидывает взглядом родные места. Ему не больше тридцати пяти лет, но волосы на его висках уже седые, а взгляд серых глаз тяжелый, стариковский. Минувшей ночью он участвовал в партизанском налете на родную деревню, вышибав из нее немецкий гарнизон.

Полгода назад он был арестован гитлеровцами по подозрению в связи с партизанами. Только благодаря счастливой случайности он избежал расстрела. Но дома у него остались мать, жена и двое ребятишек. Все они погибли от рук фашистов: их сожгли в собственном их доме.

Тяжелым шагом идет он к своей деревне. У околицы валяются три гитлеровских солдата в грязных зеленых шинелях, покрытых бурыми пятнами крови.

Мы минуем два ряда проволочных заграждений, большой раскрытый скотный двор, пробитый снарядами, с обгорелой стеной. Здесь, окопавшись в земле, сидели гитлеровцы с пулеметами, отсюда их вышибали партизаны. На деревенской улице странная тишина полумертвого селения. Только ребятишки, бледные, худые, пугливо жмутся к стенам своих домов. И опять пепелища.

Возле одного места, где случайно уцелела стройная береза, подгоревшая у самых корней, но покрытая листвой, со скворешней на вершине, вся озаренная закатным солнцем, председатель замедлил шаг, снял фуражку и вытер лоб.

— Мой дом стоял, — скупо бросил он.

В конце улицы старик и подросток укрепляли красный флаг на крыльце большого дома, где помещалось правление колхоза. Председатель окликнул их. Старик оглянулся, и настроженный взгляд вдруг сменяется радостно изумленным.

— Никак сам Петр Васильевич! Вот не гадали видеть. По делам или совсем? — спрашивает старик.

— Совсем, Семенович. Хозяйничать прислали, — говорит председатель и опять вытирает лоб.

— Вот это хорошо — совсем, — говорит старик и приглашает войти в правление. — Бабы там порядок навели, немцами не пахнет.

Пол и стены избы в пятнах сырости, от сосновых веток, раскиданных всюду, источается смолистый запах. На стенке висит отрывной календарь за прошлый год с портретом Сталина.

— Как живете? — спрашивает председатель, снимая ружье и ватник. — Как вы тут?

— Да какая уж тут жизнь, — уныло отвечает старик. — Коров немец увел, свиней и овец порезал. Во всей деревне куренка с собакой не найдешь. Даже собак перестреляли.

Изба уже наполнилась женщинами, стариками, подростками. Всем хочется взглянуть на своего вернувшегося домой председателя колхоза.

— Совсем седой, — тихо и скорбно роняет женщина, вглядываясь в него.

— А где Ефим Степанович? — вдруг спрашивает председатель.

— Замучили, истерзали нашего Ефима Степановича, — отвечает женщина.

И на некоторое время в избе наступает молчание.

— Что же, старики, немца прогнали, — медленно говорит председатель. — Сеяться надо, семена раздобудем, соседи нам помогут.

— Посеемся, Петр Васильевич, не хуже, чем раньше, — говорит Семенович, наклоняется к председателю колхоза и что-то доверительно шепчет ему на ухо.

Оказывается, что в яме за овинном у него хранится центнеров сорок семенной пшеницы. Четыре пуда ржи припрятано у его соседа. Рожь можно будет обменять у соседей на семена. Так набирается до восьмидесяти центнеров зерна. О картофеле не говорят: есть картофель. Глаза председателя добреют.

— Тогда завтра и начнем пахать, — решительно говорит он. — А вечером соберем собрание, составим акт о восстановлении советской власти и о зверствах фашистов. Пригодится нам этот акт. Придет время, и мы по нему ответа спросим!

На том и решают.

Мы лежим с ним на соломе, и я слушаю его неторопливый рассказ.

«Много горя выпало на нашу долю. Сколько тут фашисты людей замучили. Одну женщину расстреляли за то, что она мертвого партизана обмыла. Жестокостями думали нас запугать, покорить и смирить, а породили такую ненависть... Мы и не знали, что так будем ненавидеть врага. Мы как-то привели пленного фашиста в деревню. Старик стоял на крыльце, взгляделся в пленного и узнал в нем того, кто его старуху расстреливал. Подскочил он и как ударит его. А тут женщины набежали, чуть было не отбили пленного от нас. Хотели тут же прикончить его. Вот какая ненависть!

Гитлеровцы тут ничего не получили, а у партизан все было — продовольствие, теплая одежда, табак. Все для них делали. «Наша армия», — так колхозники партизан зовут».

За эти дни я побывал во многих деревнях и селах, виделся и разговаривал с десятками свидетелей зверств немецких оккупантов. На каждом шагу сталкивался я со следами недавнего пребывания гитлеровцев: разрушенные школы, сожженные больницы, разграбленные магазины, разбитые фермы. Многие села совершенно исчезли с лица земли. Не видел я деревни без пепелищ, семей, не потерявших близких людей.

И на эту звериную злобу, беспримерные жестокости народ ответил усилением борьбы с оккупантами. Он еще больше сплотился, возмужал и окреп в огне войны. В каждой семье, какими бы это муками ни грозило, всегда радушно встретят, обогреют и накормят партизан. Радость и гордость испытывал я, когда видел, как народ отстаивает советскую власть, борется против немецких оккупантов.

Горе — в каждом доме, где побывали немцы, ярость — в каждом сердце.

* * *

Весенним утром я шел в одну деревню. Дорога проходила вспаханным полем. Старик в красной рубашке шел по пашне и мерным сильным движением руки разбрасывал семена. Лицо его было полно особой торжественности и светилось счастьем. В стороне два подростка боронили, громко покрикивая на лошадей.

Послышалось прерывистое гудение немецкого самолета, неожиданно вынырнувшего из-за леса. Старик в красной рубашке бежал к дороге, придерживая рукой лукошко, висевшее на полотенце через плечо. Подростки, бросив коней, уже залегли в придорожной канаве. С бреющего полета немецкий летчик дал длинную очередь по старику, и тот словно опо-

ткнулся, упал лицом на землю и не шевельнулся. Летчик сделал быстрый хищный круг над полем, выискивая новые жертвы. В этот заход он прострочил из пулемета по лошадям, и ворона повалилась на передние ноги и забилась на земле. А немецкая сволочь продолжала кружить над полем, простреливая придорожные кусты и канавы. И хотелось встать, что-то сделать, вступить с ним в борьбу. Ну, что-нибудь! Дать по нему очередь из автомата, швырнуть в него гранатой.

Потом, когда он улетел, мы подбежали к старику. Он был мертв, пуля попала ему в затылок. Радостный первый день сева стал для него днем смерти. Подросток собирал в лукошко рассыпанные семена. Мы осторожно, с трудом подняли тяжелое тело старика, положили его на телегу и сложили на груди руки. В горсти он еще держал пшеницу.

Смерть старика на поле я видел сам. Этой смерти не забыть. Ее нельзя простить врагу.

И все же жизнь торжествовала над смертью! Часа четыре спустя, возвращаясь этой же дорогой, я опять увидел подростков и старика с лукошком. Только этот старик был в голубой, выгоревшей на солнце рубашке.

На обратном пути мне попался председатель колхоза Петр Васильевич верхом на лошади. Я даже не сразу узнал его. Он уже был в пиджаке и военную фуражку сменил на кепку. Но за плечом висела винтовка и гранаты торчали за поясом. Он сообщил, что в отбитых у немцев деревнях состоялась сессия сельского совета и его избрали председателем исполкома. За эти дни у него накопилось много новостей. У них уже начали сеять, вчера пустили трактор. У него было спокойствие человека, вернувшегося к своему делу.

Он протянул мне протокол сессии.

— Посмотрите, может быть найдете что-нибудь интересное для себя.

Я читаю:

«Протокол первой сессии депутатов трудящихся Н. сельсовета от 6 мая 1942 г. Заслушав и обсудив ход весеннего сева, сессия исполкома отмечает, что на территории сельсовета немецкие изверги уже три месяца сжигают и грабят наши колхозы, сжигают семена, инвентарь, все постройки, убивают рабочий скот. В колхозах «Красная горка» и «Верхняя нива» полностью уничтожены все постройки, семена, инвентарь и рабочий скот; частично сожжены семена в колхозах «Красный дуб» и «Красный пахарь». Из этих сельхозартелей не смогли своевременно эвакуировать семена и другое имущество, так как враг нагрянул внезапно и сжег эти колхозы. В других колхозах семена и сельхозинвентарь сумели эвакуировать и сохранить.

Наши колхозы находятся в непосредственной близости от немцев. Однако мы принимаем решение, что весенний сев проводить будем. Учитывая, что ранние сроки сева повышают урожайность, сессия обязывает всех председателей колхозов закончить весенний сев не позднее 15 мая».

10. ФАШИСТСКИЕ КАРАТЕЛИ ПЫТАЮТСЯ НАСТУПАТЬ

Утром пришло тревожное сообщение, что накануне противник численностью до 700 человек, при поддержке танков, перешел в наступление и занял две деревни.

В тот день мы еще не знали, что немцы решили повторить карательную экспедицию против партизан. Штаб партизан стоял теперь в новом месте, ближе к отрядам, в маленькой деревеньке на высоком берегу реки.

Командир прочитал донесение и приказал начальнику штаба выехать на место боев.

— Семьсот — это не страшно, — сказал он. — Я ждал, что они весной наступать начнут. Дороги теперь подсохли, танки у них пойдут. Ох, как мы их теперь бить будем! Зимой так не бивали, как будем летом укладывать.

По донесениям председателей сельсоветов командир уже знал о попытке немцев прорваться в расположение партизан и разослал всех работников по селам, чтобы везде усилили охрану дорог. Сельские отряды народного ополчения уже были приведены в боевую готовность. Теперь на всех дорогах и тропинках стояли усиленные посты.

— Пусть сев продолжают, — заметил командир. — Вообще, поменьше паники. Работайте, как работали, но смотрите в оба. Если что, надо помогать населению уходить в леса. Скот из ближних деревень надо уже сейчас угнать.

К вечеру вернулся начальник штаба. Лицо у него было веселое, значит, он ехал с хорошими новостями.

— Жаркое было дело, — сказал он.

Накануне утром группа немецких солдат нарвалась на наблюдательный пост партизан и решила окружить его. Тройка партизан вступила в бой с тридцатью немцами. Подпустив противника метров на сто, партизаны открыли по нему огонь из автоматов. Немцы залегли. У них было численное превосходство, станковые и ручные пулеметы.

Обстрел поста продолжался минут тридцать. Немцы опять пошли в наступление на тройку окруженных партизан. И снова противника встретил дружный свинцовый дождь. Двое

партизан были ранены, но еще вели огонь. Затем один автомат умолк. Осталось двое. Немцы придвигались все ближе.

— Отходи, — сказал раненый, — мне не уйти. — У него были перебиты ноги. — Оставь мне гранату, — попросил он.

Немцы крича побежали к посту. Их смело ждал раненый, прикрывая отход товарища. Когда немцы взбежали на бугорок, он швырнул возле себя гранату. Четверо солдат были убиты. Они лежали в нескольких шагах от мертвого героя. Третий партизан, воспользовавшись замешательством, успел пробежать луговину и скрыться в кустах.

Подошедший вскоре партизанский отряд не обнаружил противника. Очевидно, это была его разведка.

До трех часов дня на всех участках было тихо. Командир партизанского отряда усилил все посты и привел их в состояние боевой готовности.

В три часа дня на дороге снова появится противник. На этот раз он наступал большой колонной в пятьсот-шестьсот солдат. Впереди двигались три танка и несколько бронемашин. Эту колонну встретил усиленный заградительный отряд, укрепившийся возле деревни на выгодном рубеже.

Немцы открыли огонь из тяжелых орудий и мелкокалиберных пушек, тяжелых минометов. Два часа длился бой, в котором огневое преимущество было на стороне противника. Заградительный отряд спокойно переносил массированный огонь.

После этой подготовки в наступление пошли танки. Но первый же подорвался на mine и встал, загородив узкую дорогу. Бронемашин обогнули его и двинулись к селу. По ним открыли стрельбу из противотанковых ружей, и передняя машина была выведена из строя. Это несколько охладило пыл немцев.

После короткого перерыва, оттянув подбитый танк, немцы снова начали наступать. Отряд, получив приказ об отходе, занял оборонительную позицию у следующей деревни.

В этот же час на соседнем участке 120 немецких солдат нарвались на другой заградительный отряд. Но здесь бой был непродолжителен. Двенадцать бойцов отряда имени Седова устроили такую горячую встречу гитлеровцам, что они быстро отошли назад.

Потерпел неудачу противник и на третьем участке, куда он бросил полтора десятка солдат и более полсотни кавалеристов. Все атаки противника здесь отбили.

К десяти часам вечера самая мощная немецкая группировка, заняв две деревни, подошла к третьей. Ее уже ждали. На этот участок партизаны собрали порядочные силы и открыли фланговый огонь. Среди гитлеровцев началась паника. Партизанские налеты у них были в памяти. Танки, бронемашины покатали назад.

К ночи отряды выбили противника из деревень и заняли прежнее положение.

В этот день фашисты потеряли убитыми и ранеными примерно шестьдесят-семьдесят солдат и офицеров. Партизаны подбили снарядами одну автомашину, подорвали на mine танк, из противотанкового ружья разбили бронемашину. Потери партизан — шестеро убитых и трое раненых. Но гитлеровцы спалили почти начисто две деревни.

— Наши силы пощупали, — сказал командир. Он был настроен менее благодушно, чем начальник штаба, и отнесся к этому наступлению серьезнее. — Не люблю неясностей, — сказал он. — А что-то нам немцы готовят? Чего они вдруг полезли?

В этот вечер мы долго не ложились спать. Что-то тревожное было в воздухе. Командир ходил по комнате задумчивый и молчаливый.

— За этот участок я спокоен, — говорил он. — А вот правый фланг меня тревожит. Как бы и там немцы не полезли.

Ночью он, как обычно, сел за стол к карте. Только на этот раз ни комиссар, ни начальник штаба не легли спать, а сидели рядом с ним.

Хлопнула дверь, и часовой с порога сказал:

— Стрельба слышна.

Мы вышли из избы. Отчетливо слышна была пулеметная стрельба и разрывы снарядов. Мы долго стояли, слушали, обменивались короткими фразами. Ночь была теплая, тихая и светлая. И как-то удивительно странно было представить, что где-то сейчас идет горячий бой, что в такую ночь могут умирать люди. За лесом посветлело, и зарево поднялось в высоком небе.

— А ведь это опять у «Студента» бой, — произнес командир. — И сильный бой. Надо послать к нему связного, узнать, что там происходит.

Мы так и не заснули в эту ночь.

К утру вспыхнуло зарево пожара в противоположной стороне, и оттуда, из-за леса, одетого в туман, стала доноситься стрельба. Бой начался и на другом участке.

Всю зиму немцы не осмеливались заходить сюда; инициатива в боях все время принадлежала партизанам. Вот почему

командир так беспокоило прислушивался к звукам далеких боев на границах этого района.

В скупых донесениях командиры ограничивались сообщениями о количестве врага, его огневых средствах и путях наступления.

Командир сам выслушивал связных из партизанских отрядов и расспрашивал их о подробностях боев. Но они многого не могли рассказать. Связной от «Студента» сообщил, что когда стемнело, противник в еще большем количестве опять перешел в наступление. Когда он уезжал из штаба, партизаны еще держались на оборонительном рубеже. «Только едва ли долго удержатся, — заключил он. — Уж очень сильно жмут».

Связной другого отряда доложил, что тысяча солдат с танками и бронемашинами ведут наступление на деревни, которые партизаны заняли во время последнего налета. Всю ночь там шел бой. Вот и все, что он мог сообщить.

Какая цель этого наступления? Очистить от партизан шоссе, ведущую дорогу? Оттеснить их от линии железной дороги, где нарушено нормальное движение воинских составов?

— Не люблю неясностей, — говорил командир. — Какая у них задача?

События развертывались быстро. Настал третий день партизанских боев с наступающим противником. Артиллерийская стрельба к утру стала еще слышнее. Дым пожарами поднимался над горизонтом в нескольких местах. Горело не меньше шести деревень. Рассказывали, что население этих деревень покидает свои места, угоняет скот, увозит все зерно.

С утра командир уехал на участок фронта, который его тревожил, приказав все время держать с ним связь через вестовых и сообщать обстановку.

Днем пришло новое тревожное сообщение. В самой гористой и лесистой части района немцы неожиданно напали на небольшие группы партизан, оттеснили их и заняли четыре деревни. Район этот, удаленный от линий шоссе и железной дороги, считался тихим. Всю зиму и весну там было спокойно, и партизаны на этом участке держали незначительные силы.

От партизанских отрядов никто не приезжал. Посланный начальником штаба связной вернулся ни с чем: он не нашел штаба. Это было самое тревожное. Куда девался штаб отряда и партизаны?

Итак, и с третьей стороны на партизан двигались гитлеровцы.

Комиссар распорядился послать несколько связных и во что бы то ни стало разыскать штаб отряда.

Над деревней пролетели три немецких бомбардировщика, и вскоре мы услышали разрывы авиабомб и звуки пулеметного обстрела.

К вечеру в штаб на взмыленной лошади прискакал связной от командира с пакетом комиссару.

— Ох, ну и бой у нас! — азартно воскликнул он, широко улыбаясь.

Комиссар разорвал пакет, прочел записку, как-то изменился в лице и пошел в избу. В горнице он вторично прочитал записку и сказал:

— Дела очень серьезные. Обстановка осложняется.

Командир приказал срочно выслать усиленную разведку в самые ближайшие от штаба деревни и установить точно, где находится противник. По его сведениям, противник был уже в двух километрах от штаба.

— Надо готовиться к уходу в лес, — сказал комиссар. — Ну что же, к лесной жизни нам не привыкать.

В деревне, где стоял штаб партизанских отрядов, внешне продолжалась обычная жизнь. Ни одного лишнего человека не появлялось на улице. Но в каждой избе шла поспешная упаковка всего штабного имущества, проверялось и чистилось оружие, делались запасы патронов.

В темноте из деревни вышел штабной обоз. Все лишнее имущество, запасы продуктов, боеприпасов увозилось на ближайшие лесные базы. Посты вокруг деревни были усилены. Каждую минуту можно было ожидать внезапного появления противника.

Ждали командира. С очередным связным он еще раз просил уточнить обстановку, где находится противник, и обещал скоро приехать.

Разведка вернулась. Молодой, светловолосый, коренастый парень подробно докладывал комиссару о результатах. В ближайших деревнях гитлеровцы не появлялись. В этом направлении противник находится в пятнадцати километрах. Ночью ему удалось выбить заслоны партизанских отрядов и занять четыре деревни. Разведчики обнаружили штаб партизанского отряда. Он перешел в другую деревню, и, как только что выяснилось, связной, желая сократить расстояние, поехал ближней дорогой, нарвался на немцев, отстрелялся и, раненый, насилу от них ушел. Вот почему этот отряд ничего не сообщал о себе.

Немцы имели возможность продвинуться дальше, но не решились. Видимо, опасались активного сопротивления партизан. Теперь партизаны оправились от внезапного удара и приготовились к встрече с врагом.

Еще не успел разведчик закончить рассказ, как вошел командир и остановился у порога. Он выглядел уставшим.

— Где противник?—спросил он.

Комиссар назвал деревни, занятые гитлеровцами.

Командир молча и внимательно слушал его.

— Это точно?

— Самые последние сведения.

Командир радостно улыбнулся, швырнул фуражку и шинель на постель, устало сел на стул и приказал командиру разведчиков повторить рассказ.

— Думал, что наши дела хуже. Вояки же немцы,— засмеялся он.— Разве так можно воевать? Теперь мне все ясно. Ох, навернем мы им завтра. Хочу отбить охоту еще раз сюда соваться.

С появлением командира тягостное ощущение неизвестности исчезло. Он заразил всех своим оптимизмом и уверенностью в ближайших удачных операциях. Чорт с ними, с карателями! Не удалось им взять врасплох партизан. А завтра инициатива боев опять перейдет к народным мстителям. Тогда держитесь, каратели!

Оживленный командир сидел за самоваром и, расстегнув воротник гимнастерки, отдыхая, рассказывал, как хорошо партизаны организовали оборону своего участка, где он побывал сегодня, и как осторожно немцы ведут там наступление.

Ему казалось, что он разгадал маневр немецкого командования, цель всеобщего наступления на партизан. Они пытались повторить зимнюю карательную экспедицию и оттеснить партизан от шоссе и железной дороги.

— Угостим мы их завтра,— пригрозил он.— Это не зима, да и мы сильнее стали, вооружены лучше. Теперь можем силами померяться.

Он был в том обычном приподнятом настроении, которое переживал всякий раз, подготавливая новый налет, увлеченный возможностью каким-нибудь неожиданным маневром нанести врагу еще один чувствительный и памятный удар.

Командира хотел видеть председатель сельсовета.

Вошел среднего роста человек с полевой сумкой через плечо. Мне этот человек был знаком. Я встречался с ним на

открытом партийном собрании, и мне запомнился его живой рассказ, как колхозники его села ухитрились, находясь на оккупированной территории, под угрозой смерти, организовать переправу продовольствия и теплой одежды для партизан.

— Заняли твой сельсовет гитлеровцы, — сказал командир.

Спокойно, как об обыкновенном деле, председатель рассказал, что сейчас живет в лесу недалеко от своего села, занятого немцами, поддерживает связь с колхозниками и следит за всем, что происходит в деревнях. Способы, которыми он поддерживал связь, были очень хитры и остроумны. Обманывающая бдительность немецких часовых и патрульных, жители подробно доносили председателю, как ведут себя немцы, какие «новые порядки» они принесли с собой.

Я встречался с подобными людьми. Просто и спокойно выполняют они свой долг, никем не понуждаемые, не ожидая ни похвал, ни одобрения. Только великая ненависть к врагам способна диктовать людям подобное мужественное поведение.

Молча слушали мы рассказ о зверствах гитлеровцев в только что занятых деревнях. Снова лилась кровь мирных жителей, новый кровавый ужас вставал над деревнями.

Вступив в село, немецкий офицер заявил, что жителям не следует опасаться немецких солдат, что никто не будет тронут, пусть все продолжают заниматься мирным трудом.

Утром он спросил, почему не гонят стадо, и приказал разыскать пастуха. Скоро по деревне разнеслись звуки мелодии, наигрываемой на пастушеском рожке. Стоя на крыльце, офицер, провожая глазами стадо, говорил:

— Хороший скот. Как бы партизаны его не угнали.

Днем в деревню прибежал перепуганный подросток-подпасок и рассказал, что десять верховых немецких солдат скружили стадо и куда-то погнали его. Ему удалось убежать, а деда Назара не отпустили.

Женщины кинулись к офицеру. Тот лицемерно заявил:

— Ваших коров собирались угнать партизаны. Разобьем партизан и вернем скот.

По селу провели восемь колхозников со связанными руками. Их обвинили в том, что они — скрытые партизаны. Их расстреляли на площади возле церкви. У председателя сельсовета были записаны имена жертв террора гитлеровцев.

Фашистские садисты глумились над советскими людьми. Жители деревни сделались свидетелями гнусного и дикого

зрелища. Молодую женщину гитлеровцы раздели донага и написали на груди и животе: «Жена партизана». Несчастную негодяи провели несколько раз по селу, и немецкие солдаты подходили к ней и разглядывали ее, делая циничные замечания. Дальнейшая судьба ее еще не была известна.

Все это происходило рядом, в пятнадцати километрах отсюда.

— Много народа осталось? — спросил командир.

— Большинство успело уйти. Да и сейчас еще ухитряются уходить.

Но не только ради этого пришел в такой поздний час к командиру председатель сельсовета. Он принес важные сведения о численности противника, о количестве пушек, пулеметов. Видимо, немцы не собирались занимать обороны в этих деревнях, а решили продвигаться дальше. Никаких оборонительных работ они не проводили, только держали усиленные караулы. В эти деревни подтягивались обозы, подхлестила артиллерия.

— Мы им продвинемся, — сказал командир. — А ты оставайся ночевать в штабе.

Однако председатель отказался. Он торопился в лес. Туда должны были прийти люди с новыми сообщениями о противнике.

— Не смею задерживать. Завтра нас жди.

Председатель ушел.

— Десять месяцев вместе с народом ведем борьбу, — сказал командир. — Большие испытания выпали на долю жителей этих районов. За советскую власть они отдали десятки жизней своих лучших людей. Но в этой борьбе мы стали еще сильнее. Все население сплотилось вокруг советской власти. Она крепка здесь, как сталь. Никаких колебаний, шатаний. Народ знает конечную цель войны, вместе с Красной Армией он дерется за уничтожение фашистских захватчиков. Выросла ненависть к врагу, решимость защищать родину, советскую власть.

Опять на столе появилась карта, и командир рассказал о своем плане налета на фашистских карателей, занявших четыре деревни. Комиссар одобрил этот план. Начальник штаба пошел писать боевой приказ.

Бой был назначен на следующую ночь.

И в эту ночь мы видели зарева пожаров, слышали оружейную стрельбу, но чувствовали себя спокойнее. Так действовала уверенность командира в силе партизанских отрядов. Мы жили теперь ожиданием сурового возмездия гитлеровским мерзавцам.

Немалые силы гитлеровцев наступали на партизан: около пяти тысяч солдат, больше двадцати танков.

Командир поднял плащ-палатку, которой на ночь занавешивалось окно, и солнечный луч упал на стол.

— Спать, — сказал он. — Приказываю всем ложиться спать. Ночью пойдем в налет.

11. ПОДВИГ ПАРТИЗАНОВ

Я проснулся, услышав женский голос, показавшийся мне знакомым. У окна на лавке сидела девушка с букетом фиалок, приколотых к блузке. Конечно, я ее знал. Это была Шура-разведчица, уходившая в тыл к врагу в день нашего приезда в штаб бригады. Сколько же дней провела она там? Лицо ее сильно изменилось, щеки ввалились и отливали нездоровой желтизной, нос заострился.

Комиссар слушал ее.

— Железную дорогу отряд перешел ночью, — рассказывала она. — Путь там безопасный, на переезде стоит один часовой, да редко когда пройдет патруль в три-четыре солдата. Всю ночь мы пробирались лесом, чтобы успеть до света дойти до назначенного места дневки.

Днем меня и Тамару послали в разведку в деревню. Там все было спокойно, и часов в пять ребята вошли туда, пообедали, достали лошадей, и мы двинулись дальше.

Все шло хорошо. Мы просто радовались, что обходится без всяких неприятных приключений. Дня через три мы уже были недалеко от города. Ребята остались в лесу, а мы с Тамарой направились в город выполнять ваши поручения. Условились, что вернемся на следующий день к полудню.

В городе пришлось долго искать нужных людей. Зашли в один дом.

Хозяина не было, он был на работе.

В семь часов он пришел и ничуть не удивился, увидев нас. Мы передали ему письмо и стали расспрашивать о городской жизни.

Он рассказал о тяжелом положении жителей. Есть здесь лагерь военнопленных. Они живут в самых жутких условиях. Обращение с ними самое бесчеловечное: тяжелые, изнурительные работы, голод. Ежедневно там умирают десятки советских бойцов.

Немцы боятся местных жителей, уверенные в том, что стоит сюда притти Красной Армии или ворваться партизанам, и все население возьмется за оружие. Это и на самом деле так. Население голодает. На базаре за деньги ничего

не купить. Да и пусто там. Редко когда мясо появится или молочные продукты. О хлебе говорить не приходится. В городе продолжают аресты советских активистов. Каждые два-три дня происходят массовые казни, вешают по восемнадцать-двадцать человек. В последнее время даже женщин стали вешать.

Ежедневно проводятся облавы. Могли и мы попасть в такую облаву. Тогда уж ни нам, ни хозяевам не сдобровать. Мы хотели уйти на ночь в подвал под домом и там переночевать, чтобы не подвести хозяев. Но они не позволили нам. Так мы всю ночь и просидели с ними без сна. К счастью, в эту ночь облавы не было.

Утром, выполнив все поручения, мы тронулись в обратный путь. До ребят добрались благополучно. Переночевали в лесу, а утром мы с Тамарой пошли в разведку в деревню. Надо было ребят накормить, двое суток они ничего не ели. Но по дороге нас задержали немецкие солдаты и повели в штаб.

Остались мы одни, среди своих смертных врагов. Знаете, нам не было страшно. Мы только хотели бы скорой и не мучительной смерти. Боялись еще издевательств.

Всю ночь нам не давали спать, устраивали допросы, пугали, сбивали. Но ничего не вышло. Тамара меня все уговаривала держаться. Говорила, что умереть мы всегда успеем, а сейчас надо сделать все, чтобы живыми уйти.

Утром в клеть, где мы сидели, вошла хозяйка и сказала, что в Н. поехал солдат проверить, правду ли мы говорили о документах. Казалось, ничто нас теперь не могло спасти.

Вдруг в комнате забежали, закричали. Вошел хозяин и сказал, что в соседней деревне немцы взяли в плен партизана и привезли его сюда.

Через час нас повезли в город. С нами на телеге поехал один солдат, а к нашему товарищу посадили двух полицейских. Руки у него были связаны веревкой, и мы видели, как всю дорогу полицейские били его.

В городе нас привезли в комендатуру, а оттуда в тюрьму. Несколько раз нас ударили, обругали.

Двое суток просидели мы в тюрьме. Помещение грязное, вонь, сырость, полно вшей, крыс. Ужас какой-то. Там Тамара и заразилась тифом. Кормили один раз в сутки: сто пятьдесят граммов хлеба и вонючая бурда. Полицейские относились просто по-хулигански, сколько раз хотелось их ударить. Все равно, скоро конец. Всякую низость приходилось от них выслушивать.

Только на третий день повели опять на допрос, опять всех троих. Вдруг в комнату влетел здоровенный офицер, покосился на нас, подскочил к нашему товарищу и стал его бить. За ним в комнату вошли еще три офицера, и все набросились на одного, связанного. Ох, как они его били! А он хоть бы словечко! Только губы закусил. Потом принесли плеть, стали бить плетью. Товарищ уж был без сознания, а они все продолжали издеваться над ним.

Нас вывели в соседнюю комнату, где сидел переводчик и какой-то солдат. Они говорили по-русски. Солдат сказал, что мы не партизанки, а задержали нас потому, что у нас не было документов.

Сначала увели Тамару, потом позвали меня. Поодиночке решили допросить. Посмотрела я на Тамару и по глазам увидела, что все сошло благополучно. Стали спрашивать все о том же: о соседних деревнях, кто там староста, кто бургомистром. Я ответила без запинки.

— Сейчас проверим по телефону о документах, — сказали нам.

Нас снова вывели. В эту же комнату втащили нашего товарища. Он уже был на себя не похож. Рука переломлена и повисла. Избит до неузнаваемости: руки и лицо синие, глаза из-под синяков еле смотрят, из ушей течет вода. Даже не взглянул на нас. И нам было больно и стыдно, что мы ничего не можем сделать для него, для своего близкого товарища. Хоть бы словом ободрить его, помочь. Но мы знали — нельзя. Мы — разведчики. Нельзя!

Вошел переводчик и сказал, что в селе никого нет, и нас решили отпустить. Но в субботу мы должны явиться со всеми документами от старосты.

Конечно, мы обещали явиться.

Часов в шесть вечера мы вышли из города. Даже не верилось, что мы на свободе, что ушли от смерти. Только вот нашего товарища было жаль.

Теперь мы знали, где стоят немцы, и шли так, что уж им не попадались. Заночевали у знакомых в деревне, а часа в четыре пошли дальше. А на следующий день узнали, что организована погоня, и за нами следят на дорогах. Тогда мы свернули в лес. Так и добрались. Все ваши задания, товарищ комиссар, выполнили.

Он молчал, вглядываясь в нее.

— Тебя тоже били?

Она неловко повела головой.

— Один раз.

Возле уха у нее темнел синяк.

— Как Тамара?

— Плохо, лежит. Вот письмо вам прислала.

В этом письме Тамара рассказывала, как они выполнили задание и о всем пройденном пути. «Путь, пройденный нами, был труден,— заканчивалось это письмо.— Были моменты, когда мы уже не надеялись остаться живыми. Хотелось жить, но мысли о жизни казались пустыми. Станным кажется теперь, как это я несколько дней назад могла думать о смерти, а теперь живу на зло врагам».

— Спасибо вам, девушки, — сказал комиссар и спрятал письмо в карман. — Большое, очень большое дело вы сделали. И вели себя хорошо, как коммунистки. Смотри, Шура, береги себя. Ведь вместе с Тамарой в тюрьме сидели.

Через полчаса мы ехали с комиссаром к месту ночного налета.

— Кто мог подумать, что у них хватит сил для такого подвига? — сказал задумчиво комиссар. — Вот какие у нас в отрядах девушки. Я давно знаю Тамару, она работала секретарем райкома комсомола. Она казалась такой хрупкой. Ненависть к врагу толкает на подвиги.

Бедная Тамара! Через несколько дней я узнал, что, ослабленная голодовкой этого похода в глубокий тыл врага, лишениями, она не поборола смерти. Свалил тиф и ее подругу. Но Шура выжила, победила смерть.

12. НЕ ПРОПУСТИМ!

Навстречу по дороге двигалась вереница телег, напряженных домашним скарбом. Поверх узлов сидели дети, лежали ягнята со связанными ногами, в корзинах — куры. Мальчишка, испуганно таращивший глаза из-под съезжавшей на нос шапки, крепко прижимал к себе лохматого щенка. Привязанные к задкам телег коровы мотали головами, упирались, не хотели идти. Женщины по-мужски шагали по трясине рядом с возами.

Командир и комиссар свернули с дороги, пропуская этот печальный обоз.

Женщины шли с поблескивающими глазами, молчаливые, ненавидящие. Ни слезинки, ни горестного вздоха. Еще раньше, задолго до этого дня, были выплаканы все слезы, излиты все горе и печаль сердец.

Молча прошел мимо нас обоз и скрылся за поворотом дороги.

Деревня, где для руководства боем располагался командный пункт, была наполовину пуста. Большинство жителей уже покинули ее — враг стоял отсюда в трех километрах.

Через деревню проходили партизанские отряды, санитарные повозки, артиллерийские расчеты. Бой готовился крупный и жестокий.

Мы долго стояли с командиром и комиссаром в голом еще саду и смотрели на яркое пламя недалекого пожарища. За эти дни уже сгорело около полутора десятков деревень, подожженных гитлеровцами.

Потом мы вошли в пустую, оставленную хозяевами избу. Не было ни стола, ни стула. Кто-то принес соломы, и мы улеглись на нее. В хату вошли две девушки и предложили выпить молока.

За окном зашумел дождь. Уж такая дождливая была эта весна.

Отсвет нового пожарища играл огненными бликами на окнах. Горела еще одна деревня, подожженная гитлеровцами в эту ночь.

— Ничего,— промком сказал комиссар.— Сильно наше горе, но велика и месть. Войну ведет народ, а месть народа всегда страшна.

Прошло несколько минут в молчании. Комиссар тихонько запел старинную русскую песню. У него был приятный тенор. Через минуту несколько голосов подхватили протяжную грустную мелодию, родившуюся на широких просторах русской земли. Мелодия росла и крепла в темной избе. Пели все, кто был здесь. Голос комиссара вел ее, и басы подпевали ему.

Много песен спели в тот вечер в темной избе в последний час перед боем с врагом. В этих песнях выливалась любовь к родине, печаль по близким, вера в победу. Песни трогали за сердце, будили воспоминания.

А действительность стояла рядом, мерцала во тьме огнем пожарищ.

Вошел командир, послушал пение и сказал:

— Через двадцать минут начинаем.

Все поднялись и пошли на улицу. Моросил дождь, под ногами чавкала жидкая земля. Как большой костер, светилась догоравшая деревня.

Потом мы стояли на крыльце разбитой снарядами избы и нетерпеливо ждали начала атаки.

Раздался удар противотанковой гранаты.

— Начали бой, — спокойно сказал командир.

Заработали пулеметы. Первые трассирующие пули прорезали мирную гладь горизонта. Последовало еще несколько ударов противотанковых гранат.

Это был второй крупный ночной налет партизан на титлеровцев, который мне приходилось наблюдать. Опять беспорядочно полетели цветные ракеты. Но в этот раз бой, казалось, идет особенно ожесточенный.

— Сурово сегодня бьются, — бросил замечание командир. Самый сильный огонь велся на левом фланге. Там «работало» несколько автоматических пушек противника, — «молотилки», непрерывно отсчитывавшие двадцать трассирующих снарядов. Грохот противотанковых гранат на левом фланге не смолкал.

Загорались избы двух селений.

— Опять жгут, сволочи, — сказал командир. — Одиннадцатый месяц горит русская земля.

Послышались частые хлопки разрывов. Видимо, партизаны подорвали склад с боеприпасами. «Хорошо, хорошо», — шептал командир.

Ожесточение боя нарастало. Со стороны титлеровцев действовало много автоматических пушек, минометов, станковых пулеметов. Но и партизаны по силе огня не уступали немцам.

Какой-то многоголосый шум долетал до нас.

— А ведь это «ура» кричат, — восторженно сказал командир. — Ну и партизаны! Ох, дадут они сегодня немцам!

И действительно, вскоре на левом фланге стих немецкий огонь, только рвались партизанские гранаты. Появился связной и подтвердил, что деревня занята и сейчас партизаны идут на помощь соседям, где противник пытается сдержать наступление.

Уже светало.

— Хорошо идет бой, — сказал командир. — Две деревни взяты. Однако надо давать сигнал отхода.

Начальник штаба ушел в сторону к полю, и скоро в небо взвились три красные и одна зеленая ракеты — сигнал отхода.

Девушки встретили нас в избе. Топилась печь, а на столе был приготовлен завтрак: яйца, вареная картошка, молоко.

С веселым настроением собирались командиры отрядов в избе. Потери были малые, у врага — большие. Было чему от души порадоваться. А главное, было приятно, что так ударили по карателям, которые, верно, и не полагали, что так дорого обойдется им попытка вторгнуться на территорию, занятую партизанами.

У крыльца уже стояли оседланные лошади.

Судя по рассказам командиров, этот бой был особенно удачным. Гитлеровцы никак не ждали, что партизаны могут напасть на них, совершенно не были готовы к обороне.

Домой мы возвращались чудесной дорогой, мимо леса, берегом реки. Вставало майское утро. Подымалось солнце. Сочная зеленая молодая трава. На ветках, на распускающейся листве блестели и переливались капельки воды. От свежей порубки пахло смолой. В лесу закуковала кукушка. Кукование ее звонко разносилось в воздухе.

Война и жизнь. Жизнь шла своим чередом. Весна вступала в права. Мы думали о счастье мирной жизни, о семьях, о делах, от которых оторвала нас война. Мы строили счастливую жизнь народа большой страны. Война оторвала нас от этого мирного созидательного труда. Теперь мы защищаем свое право на жизнь, право на существование. Мы думали о нашей огромной родине, о миллионах людей, которые там, в глубоком тылу, работают на фронт, чтобы мы здесь били и уничтожали врага. Мы деремся не только ради себя, но и ради миллионов этих людей.

Мы верим, что светлые дни нашей родины вернутся. Этой земли врагу не видать.

Дорогой командир слушал доклад начальника штаба о том, что сделано для перевода отрядов в лес, о готовности лесных баз, и отдавал приказания о подготовке к новым боям с немецкими оккупантами.

Днем он отозвал нас с Синцовым в сторону и сказал:

— Слышал, что вы собираетесь улететь обратно. Обстановка, как видите, тревожная. Все это можно ждать. Штаб в ближайшие дни уходит в лес. Старой площадкой мы пользоваться не можем, новая будет готова через два дня. Но может случиться, что ею уже нельзя будет пользоваться. Противник продолжает наступать. Сейчас еще есть проход через линию фронта. Путь пешком отнимет не больше десяти дней. Решайте, как вам лучше поступить.

Дело в том, что аэродром, на котором мы сидели, не годился для летних посадок. С того дня, как мы прилетели к партизанам, самолеты здесь больше не сидели. Нам было пора возвращаться. Уже больше двадцати дней редакции ничего не знали о нас.

Мы оценили заботу командира — в такие дни помнить о нас. И все же мы решили, что будем ждать самолетов. Путь в десять дней казался нам чересчур длинным. Жаль было терять столько времени.

13. ПАРТИЗАНСКАЯ КЛЯТВА СТАЛИНУ

В ту ночь партизаны нанесли гитлеровцам ошутительный удар. «С огнем в бой шли и с большой злостью», — сказал один из командиров. Четыре деревни были освобождены от немецких захватчиков. Только один отряд уничтожил до сотни немецких солдат и офицеров, две автоматические пушки, два батальонных миномета, радиостанцию, пятнадцать лошадей. Партизаны в этой деревне захватили: противотанковое ружье, пулемет, двенадцать винтовок, пятнадцать пистолетов, два запасных ствола к пушкам, много патронов, триста снарядов, вещевое имущество — францы, шинели, белье... В бою отряд потерял убитыми одного человека и ранеными — четверых.

Но крупные части гитлеровцев с артиллерией и танками продолжали вести наступательные действия.

На следующий день прибыл командир одного из партизанских отрядов и рассказал о боях на своем участке.

В ту ночь, когда он ушел в налет со всеми партизанскими силами, оставив на своем участке небольшие заслоны, противник повел сильное наступление и занял берег реки. Под прикрытием двух танков гитлеровцы начали переправу через реку. Более двухсот солдат перебрались и повели наступление на партизанский заслон. Он мужественно оборонял деревню, отражая атаки врага. Командир отряда получил сообщение об этом, когда еще вел бой с немецкими карателями. Необходимо было немедленно выслать помощь заслону.

Выбор пал на боевого партизана Семинского, награжденного орденом Красной Звезды.

— Возьмите бойцов и держитесь до нашего подхода, — сказал ему командир отряда.

За пять часов партизанская группа, торопясь на помощь своим товарищам, прошла по грязной и тяжелой дороге тридцать километров и с хода вступила в бой.

Помощь подошла вовремя. Противник уже подобрался к окраине деревни. Сильным огнем партизаны отбросили его от деревни. Семинский повел бойцов в атаку. Пуля оборвала его жизнь, но противник уже покатился назад.

Через несколько часов к месту горячего боя подоспели остальные партизанские отряды и дружным ударом погнали гитлеровцев.

А ночью два отряда ворвались в деревню, уничтожили до сорока фашистов и вернулись без потерь на свой укрепленный рубеж.

С утра, не давая передышки противнику, партизаны вновь повели широкое наступление. Несколько групп зашли с фланга и открыли убийственный огонь. К полудню противника оттеснили к реке и вынудили его оставить этот берег.

Не выходило наступление у гитлеровцев. За несколько дней боев фашисты потеряли около пятисот солдат и офицеров, три танка, бронемашину, пулеметы, боеприпасы.

Обозленные неудачами, потерями, фашисты предприняли новые ожесточенные атаки. Они начали сильный обстрел деревень. Весь день слышалась артиллерийская стрельба.

Все эти дни карта не убиралась со стола. Командир спал урывками. Теперь замыслы врага были ему окончательно ясны: противник пытался соединить две свои группы и оттеснить партизан от шоссе и железной дороги. Третья группа пыталась перерезать надвое территорию, занятую партизанами, занять главную дорогу. Бои шли день и ночь.

Командир всматривался в карту. Все окрестные места были ему хорошо известны по прошлым боям, когда партизаны вытесняли отсюда врага. Опять командир сидит у стола и обдумывает, где и как ударить по врагу, ищет его наиболее слабые и уязвимые места.

В штабе никакой паники, растерянности. Командир трезво оценивает обстановку. Возможно, что им придется отойти. Но они будут продолжать бить врага с той же силой.

В леса, в глубокие леса уйдут партизаны. Уже созданы базы, намечены места расположения отрядов, продумана связь между ними. Леса укрывали партизан зимой, прятали от врага в мороз и стужу. Теперь зелень лесов укроет их, сделает невидимыми для врага.

— Будут бои, хорошие бои, — говорит командир.

...Наступил день нашего отлета. Получено сообщение, что ночью прилетят два самолета.

С утра командир, комиссар и начальник штаба уехали в лес выбирать место для штаба. Какое-то грустное, щемящее чувство переживали мы, готовясь к отлету. Казалось, что мы обрываем крепкие узы дружбы: так свыклись и сдружились мы с этими мужественными и смелыми людьми. Они стали нам близки и дороги. Мы тревожились, что будет с ними, как пойдут у них дела в летние месяцы.

Пришло время идти на аэродром. В стол мы положили записку, адресованную командиру и комиссару. Хотелось повидать их еще раз.

Но наш отлет в эту ночь сорвался, и мы провели еще один день с партизанами.

В дневнике я записал: «Вчера простились со всеми и ушли на аэродром. Тяжело расставаться с партизанами. В селе где расположен аэродром, долго сидели с девушками на горе. Они просили передать привет всей Красной Армии от населения и просьбу скорее приходить сюда.

Прилетели два самолета и долго кружили над аэродромом. Сюда они прилетели в первый раз. Неопытный приемщик испортил все дело: не выложил посадочного знака, по ошибке дал красную ракету. Это означало запрет посадки. Самолеты сделали еще несколько кругов, сбросили два мешка почты, повернули, и скоро стих гул моторов.

Мы сидели на траве, когда из леса выехали командир, комиссар и начальник штаба. Место для штаба они отыскиали. Обстановка становится все более тревожной. Теперь, дорог каждый день. Еще день-два, и от этого аэродрома, возможно, придется отказаться».

Я не записал разговора, который мы вели в ту ночь с Синцовым. Мы вспомнили совет командира воспользоваться пешим путем и думали, как нам поступить. Прилетят ли завтра самолеты? Может быть, пойти пешком через линию фронта? Десять дней пути... Нет, мы ждем еще один день и тогда уж окончательно решим.

Ночью в штаб пришел разведчик, вернувшийся из недалекого тыла врага, и принес последние сведения о противнике. Гитлеровцы концентрируют силы, подтягивают танки, бронемашину, артиллерию.

— Вот история была, думали, не выскочим,— сказал разведчик и рассказал, как с помощью колхозника они благополучно ушли от немцев.

Трое разведчиков подъехали к деревне и остановились у крайней избы. Хозяин рассказал, что ночью через деревню прошла большая немецкая группа, обозы. Вдруг он изменился в лице.

— Немцы!

Восемь солдат, заметив лошадей у крыльца, приблизились к дому. Попались. Хозяин вышел на крыльцо.

— Партизаны? — спросили немцы, показав на лошадей.

— В деревню ушли,— ответил хозяин.

Беглым шагом солдаты двинулись к деревне, взяв на изготовку автоматы. Партизаны не верили, что они так легко отделались. Они уже отвязывали лошадей и говорили хозяину:

— Поехали с нами. Расстреляют тебя немцы.

— Сейчас, сейчас,— сказал он и зачем-то пошел в избу.

Из деревни показались немцы. Партизаны тронули лошадей и псгнали их к лесу.

Солдаты вбежали в дом. Старший, по нашивкам ефрейтор, молча протянул хозяину коробок спичек, и тот все понял.

Все вышли на улицу. Немцы внимательно следили за колхозником. Чиркнув спичку, хозяин поднес ее к соломе крыши, и огонек пополз по соломинке, куда-то нырнул и вдруг язычком свернул по середине крыши. Так он запалил в нескольких местах собственный дом, отошел на несколько шагов и смотрел, как разрастается огонь, как поднимается к небу дым.

Фашисты со зловещими лицами наблюдали за пожаром.

— Гут,— сказал ефрейтор.— Зер гут.

Уже трещало дерево, пылал жарко сарай. Больше нельзя было медлить. И колхозник сделал то, что мог сделать. Он вдруг нырнул в пламя, в огонь сарая. Немцы растерялись, побежали за ним, но испугались огня и остановились.

В сарае имелись вторые ворота. Колхозник выскочил по другую сторону дома и побежал к лесу.

Пока немцы обегали дом, он уже достиг леса. Пули провистели над его головой. Поздно, поздно... Он ушел.

Так в последний раз партизанская земля подарила нас рассказом еще об одном мужественном поступке.

...Вечером на аэродром поехали командир и комиссар. Они хотели нас проводить. Мы сидели на бревнах возле аэродрома и говорили о перспективах партизанской войны на ближайшее время. Они были уверены в своих силах, готовились к большим боям. Недалеко, километрах в семи, шел ночной бой с немцами. Высоко взлетали цветные ракеты, трассирующие пули.

— Вы еще услышите, как мы будем бить карателей,— говорил командир.— Это только начало.

Послышался гул, и скоро два самолета пролетели над нами. Они зажгли бортовые огни и пошли на посадку. Огни посадочного знака ярко горели на поле.

Летчики, наши старые знакомые, торопливо обходили посадочное поле и говорили:

— Хорошая площадка. Завтра к вам целая эскадрилья прилетит. Подбросим вам боеприпасов. Бьете карателей?

В штабе фронта уже знали о новом наступлении немцев на партизан.

Последнее теплое прощание, крепкие пожатия рук. Эти люди оставались в тылу врага, чтобы продолжать суровую, беспощадную борьбу с немецкими оккупантами.

Самолеты оторвались от земли и взяли курс к линии фронта.

...Светает. Минуем линию фронта. Вот уже блеснули лучи светового маяка аэродрома. Под нами плывет наша, советская земля. Какая это большая радость — опять увидеть землю своей родины, не испоганенную присутствием врага.

Показался аэродром. Штурмовики поднимались с летного поля. Они начинали новый фронтовой день.

Самолет коснулся земли и подрулил в рощице.

— С благополучным возвращением, — сказал летчик.

Вскоре в вечернем сообщении Советского Информбюро я услышал сообщение о боевых делах своих друзей-партизан. «В мае месяце немецкое командование, — говорилось в сообщении, — бросило против группы энских партизанских отрядов большую карательную экспедицию с артиллерией, танками и самолетами. За месяц боевых действий партизаны уничтожили 2 570 немецких солдат и офицеров, подбили 20 танков, пустили под откос 5 железнодорожных составов и один бронепоезд. Партизанами захвачены большие трофеи».

* * *

В большом селе в тылу врага собиралось районное партийное собрание. Со всего района в это село пришли коммунисты — председатели сельсоветов, колхозов, бригады, рядовые колхозники и колхозницы. Они рассаживались за партами в большой классной комнате школы-семилетки. Все — мужчины, женщины — были вооружены винтовками, пистолетами, за поясами у многих торчали гранаты. Они жили и работали вблизи врага. Всегда надо быть настороже.

На собрании присутствовало около семидесяти человек. Первый вопрос: прием в члены партии и в кандидаты партии. Разбиралось несколько заявлений.

Первым разбирали заявление о приеме в кандидаты партии колхозницы Евдокии Прокофьевны. К столу вышла пожилая женщина и смущенно стала рассказывать о своей работе в колхозе.

— Ты расскажи, как партизанам помогала, — сказал ей председатель собрания.

— А что же тут рассказывать? Все так им помогали. Не одна я.

Тогда слово взяла маленькая, худенькая партизанка, секретарь одной партийной организации, и горячо стала рекомендовать Евдокию Прокофьевну в кандидаты партии.

Она рассказала о том, как эта рядовая сорокалетняя колхозница во время пребывания немцев в селе прятала в своем доме раненых партизан, лечила их, выхаживала. Ее имя хорошо известно партизанам. Они ее зовут «партизанской матерью».

Не раз по заданиям командира отряда она ходила в опасные разведки и всякий раз приносила ценные сведения, которые помогали партизанам проводить успешно бои с гитлеровцами.

Однажды немецкие летчики налетели на ее село и забросали его зажигательными снарядами. Запылали избы. «Партизанская мать» бросилась к дому, где находились раненые. Она помогала выносить их из горящего дома, спасала партизанское имущество.

Лишь после того как все раненые были вынесены и отправлены в безопасное место, она побежала в другой конец села, где стояла ее изба, и увидела на месте дома огромный пылающий костер.

Собрание приняло ее в кандидаты партии.

Собрание продолжалось часа четыре. Обсуждался ход весеннего сева. Выяснилось, что сев уже заканчивался. Колхозы засеяли большую посевную площадь.

Перед концом собрания слово взял председатель и сказал:

— Скоро будет партийная конференция. Прошу всех коммунистов подготовиться к ней. Будем подводить итоги нашей борьбы с врагом.

Собрание закончилось. Партизаны поодиночке осторожно выходили из школы.

Они снова шли в деревни и села, чтобы продолжать свою работу в тылу врага.

В конце июня большевики собрались на первую партийную конференцию. Здесь были партизаны, командиры отрядов и рядовые бойцы, председатели колхозов, колхозницы.

С докладом выступил комиссар партизанских отрядов.

— Наша первая партийная конференция должна подвести итоги десятимесячной борьбы с гитлеровцами, — говорил он, — наметить дальнейшие задачи хозяйственной и партийно-политической работы в наших районах.

Почти год назад товарищ Сталин призвал сынов советской земли создавать невыносимые условия немцам в их тылу, нарушать фашистские коммуникации, разрушать средства связи и транспорты врага. Мы начали партизанскую войну с маленьких разрозненных отрядов. А теперь мы — грозная сила. Мы ведем борьбу с крупными соединениями противника.

Он рассказывал о боевом пути нескольких партизанских отрядов. В прошлом году они уничтожили 450 оккупантов, а в этом — 7 626, в числе их — генерала и четырех полковников, пустили под откос 16 немецких поездов, уничтожили 23 склада с боеприпасами и горючим, 108 автомашин и автобусов, четыре самолета, тридцать танков, бронепоезд, взорвали 37 мостов на коммуникациях противника.

Да здравствует наша победа!

Да здравствует великий и непобедимый советский народ!

Да здравствует наш учитель и вождь, любимый отец и друг наш Сталин!»

В этой книге не рассказано о многом.

Окончится война... Тогда страна узнает тех, кто так мужественно и стойко отстаивал советскую власть в тылу врага, долгие месяцы вел суровую и беспощадную борьбу с немецкими оккупантами.

Враг будет разбит. Это время не за горами.

Северо-Западный фронт.

Май — июнь 1942 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
НА САМОЛЕТЕ В ТЫЛ ВРАГА	8
У ПАРТИЗАН	6
ПШТАВ НАРОДНЫХ МСТИТЕЛЕЙ	13
ПЕРВОМАЙСКИЙ ПРАЗДНИК В ЛЕСУ	19
НОЧНОЙ БОЙ С ГИТЛЕРОВЦАМИ НА РЕКЕ	24
ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ КОМАНДИРА И КОМИССАРА	30
ЗАДАНИЕ КОМАНДИРА ВЫПОЛНЕНО	34
ЗДРАВСТВУЙ, ОРУЖИЕ	40
ТАК РОЖДАЕТСЯ НЕНАВИСТЬ	47
ФАШИСТСКИЕ КАРАТЕЛИ ПЫТАЮТСЯ НАСТУПАТЬ	51
ПОДВИГ ПАРТИЗАНОК	59
НЕ ПРОПУСТИМ	62
ПАРТИЗАНСКАЯ КЛЯТВА СТАЛИНУ	66

Редактор М. Роголин.

Издано в печать 26 декабря 1942 г. Тираж 30000 экз. А62236. 4¼ п. л.
Цена 1 руб. Зак. 2517.

Тип. газ. «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.